

Владимир Высоцкий
Я КУПЛЕТ ДОПОЮ... (ПЕСНИ ДЛЯ КИНО)

Составление, подготовка текстов и примечания А.Крылова

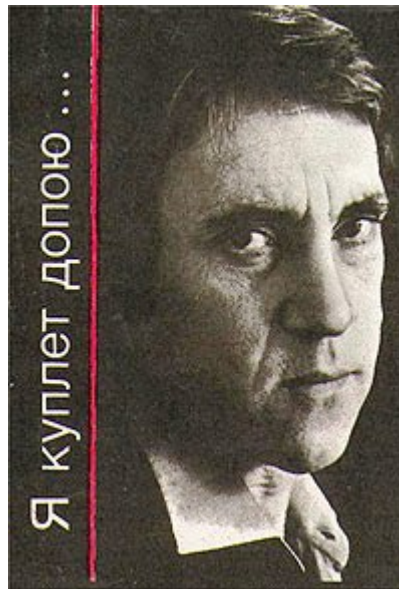
Запись рассказов о кино И.Рогового и А.Крылова

Союз кинематографистов СССР

Всесоюзное творческо-производственное объединение

«Киноцентр», 1988

OCR А.Бахарев

Содержание

«У меня в кино сложилось...»

Я РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Песня о госпитале

Песня о звёздах

«В холода, в холода...»

Высота

Штрафные батальоны

Братские могилы

ВЕРТИКАЛЬ

Песня о друге

«Свои обиды каждый человек...»

Скалолазка

Здесь вам не равнина

Военная песня

Прощание с горами

КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ

Песня-сказка о нечисти
Дела

ИНТЕРВЕНЦИЯ

Песня Саньки
«Передо мной любой факир – ну просто карлик...»
Гром прогремел
«До нашей эры соблюдалось чувство меры...»
Песня Бродского

ОПАСНЫЕ ГАСТРОЛИ

Куплеты Бенгальского
Цыганская песня
Баллада о цветах, деревьях и миллионерах
Романс

ВОЙНА ПОД КРЫШАМИ СЫНОВЬЯ УХОДЯТ В БОЙ

Аисты
«У нас вчера с позавчера...»
Песня о новом времени
Песня о Земле
Он не вернулся из боя
Сыновья уходят в бой
Темнота

ЗЕМЛЯ САННИКОВА

Белое безмолвие
Баллада о брошенном корабле
Кони привередливые

МОРСКИЕ ВОРОТА

«В день, когда мы поддержкой земли заручась...»
«Всему на свете выходят сроки...»
Пиратская
«Когда я спотыкаюсь на стихах...»

КОНТРАБАНДА

Танго
«Сначала было слово печали и тоски...»

ИВАН ДА МАРЬЯ

Скоморохи на ярмарке
Свадебная
Выезд Соловья-разбойника

Серенада Соловья-разбойника
«Если в этот скорбный час...»
Солдатская песня

I. Походная

II. Грустная

Слава солдату
Куплеты кассира и казначея
Куплеты нечистой силы
Солдат и привидение
Песня Марьи
Иван да Марья
Частушки

ЕДИНСТВЕННАЯ ДОРОГА

Расстрел горного эха
Песня Солодова
«Если где-то в глухой беспокойной ночи...»

ОДИНОЖДЫ ОДИН

Песня Вани у Марии
Песня о чёрном и белом лебедях
Величальная отцу
Частушки к свадьбе
Студенческая песня
Частушки
Грустная песня о Ванечке
Песня Вани перед студентами

ЕДИНСТВЕННАЯ

Очи чёрные

I. Погоня

II. Старый дом

БЕГСТВО МИСТЕРА МАК-КИНЛИ

Баллада о маленьком человеке
Баллада о Кокильоне
Прерванный полёт
Марш футбольной команды «медведей»
Баллада о манекенах
Песня Билли Сиггера
Мистерия хиппи
Баллада об оружии
Баллада об уходе в рай

СТРЕЛЫ РОБИН ГУДА

Песня о времени
Песня о вольных стрелках
Баллада о Любви

Песня о двух погибших лебедях
Песня о ненависти
Баллада о борьбе

СКАЗ ПРО ТО, КАК ЦАРЬ ПЕТР АРАПА ЖЕНИЛ

Купола
Разбойничья

ВЕТЕР НАДЕЖДЫ

Начальная песня
Одна научная загадка, или Почему аборигены съели Кука
«Ну вот, исчезла дрожь в руках...»
«Вы в огне да и в море не сыщете брода...»
Шторм
Гимн морю и горам
Мореплаватель-одиночка

ВООРУЖЁН И ОЧЕНЬ ОПАСЕН

Расскажи, дорогой
Не грусти
Вооружён и очень опасен
Живучий парень

ЗАБУДЬТЕ СЛОВО «СМЕРТЬ»

Пожары

ТОЧКА ОТСЧЁТА

Белый вальс
Мы вас ждём
Песня о двух красивых автомобилях
Затяжной прыжок

ЗЕЛЕНый ФУРГОН

«Проскакали всю страну...»

НАШЕ ПРИЗВАНИЕ

Гимн школе

ПРИМЕЧАНИЯ

«У МЕНЯ В КИНО СЛОЖИЛОСЬ...»

У меня в кино сложилось не так удачно, как в театре, – особенно в самом начале. Я всё играл таких разбитных полуотрицательных парней: матросиков-братишек, солдатиков, шоферов... И всё время по ходу дела должен был приставать к чужим девушкам. Все режиссёры почему-то думали, что я – артист комедийный, и давали какие-то такие странные роли. Сейчас, честно говоря, я не согласился бы их играть, а тогда был ещё молодой, неопытный – хватал все, что «плохо лежит».

Первое моё столкновение с кинематографом было очень печальным. Первый мой съёмочный день врезался в память удивительно. Я играл роль шофёра Софрона в фильме «Карьера Димы Горина». Еду в машине вместе с Таней Конюховой – а она в то время была уже очень известная актриса, – и я должен был в кабине этого самого МАЗа пытаться её обнять. Я был тогда молодой, скромный человек – как-то рука не поднималась к ней приставать. Она говорит: «Смелее, Володя! Так всегда в кино – всё по-настоящему». Я долго не соглашался, наконец согласился – и это было очень приятно. А после этого Дима Горин, которого играл Демьяненко и который всё видел в маленькое окошечко, выходил из машины и должен был меня бить. Кино, я повторяю, это реалистический вид искусства, там нельзя соврать, не донести руку или слабо ударить. Сразу оператор смотрит в дырку и говорит: «Э! Давай сильнее!» И снимают много дублей подряд. В этой сцене мы сделали девять дублей. Таким образом, ни за что ни про что на второй день моих съёмок я стал жертвой искусства, потому что оно всегда требует жертв.

После этого я решил, что больше такого играть не буду. Но не тут-то было. Начался фильм, который назывался «713-й просит посадки». В этом фильме я играл роль американского солдата морской пехоты и тоже приставал к чужой девушке, а отомстить за это мне должен был актёр Отар Коберидзе. Он человек здоровый, восточный, темпераментный, у него глаз горит дурным огнём, – думаю: «Убьёт!» И говорю оператору: «Ещё два дубля и я дам дуба!» Но всё-таки остался жив. Только после этих вот начальных фильмов я теперь смотрю сценарии: кто кого бьёт. Потому что сначала надо разобраться, потом соглашаться.

Ну, потом я играл ещё несколько ролей, которые не хочется вспоминать. Честно говоря, это было сделано из-за интереса к кинематографу, из-за тщеславия, из-за денег... Это «Увольнение на берег», «Штрафной удар», «Стряпуха»...

В «Стряпухе» я играл роль тракториста Пчёлки. Там у меня была неудача с пением (я впервые в кино пел). Пришёл я смотреть фильм. Вдруг – батюшки мои! – разговариваю я своим хриплым голосом, нормальным, грубым, и вдруг выхожу с гармошкой и пою «Две подружки, две...» – и вот таким тенором, даже выше немного, меня переозвучили. Аж народ в зале передёргивается: ясно, что поёт другой человек.

Ещё я сыграл роль такого «голубого героя» в фильме «На завтрашней улице». Сейчас вспоминаю – даже смешно мне: как я мог при моём характере сыграть такого хорошего человека, даже до противности хорошего. Он – бригадир, его все любят. А живёт он в палатке, хотя она течёт, у него мебель гниёт, дети кашляют, жена плачет... А он говорит: «Не надо мне квартиру – другим нужнее!»

Я не хотел играть эту роль, просил сценариста переменить что-нибудь – таких людей не бывает. Вообще неинтересно играть людей, покрашенных одной – белой или чёрной – краской. У каждого человека всегда есть черты и такие, и такие. И всегда интересно сыграть живого человека. А зритель наш избалован хорошими картинками, хорошими образами, настоящими людьми: он сразу понимает, где правда, а где неправда.

А потом, наконец, мне повезло – и я был приглашён в фильм, который называется «Я родом из детства». Эта картина для меня памятна тем, что впервые мне заказали песни для фильма – и я написал их: и музыку и текст. И с тех пор так повелось, что почти в каждой картине я пишу песни – иногда сам их пою, иногда – другие...

Раньше очень часто, приглашая сниматься, мне предлагали, чтобы я там что-нибудь пел. Я соглашался, пел чужие песенки и свои, но в основном всегда это были вставные номера такого типа: «А вот тут, кстати, случайно гитара –

ну-ка, дай чего-нибудь я спою». Беру, значит, играю, напеваю какие-то куплеты и так далее. Потом стал писать песни специально для своего героя, для персонажа, которого играю, – по простым соображениям: роли часто бывали плохие, а споёшь песню – глядишь, и получше запомнят зрители. Потому что, как выяснилось, песня никогда не ухудшает, а только улучшает изображение.

Потом я стал писать песни для других персонажей, даже не участвуя в фильмах. Но иногда это не получается, и... делаешь стилизацию – в общем, я их даже в концертах никогда не исполняю. И я всегда это делал с удовольствием. Потом мне очень многие люди отсоветовали: «Не надо этого делать». Но так как у меня не так много аудиторий, то мне жалко: мне бы хотелось, чтобы как можно больше людей услышали мои песни с экрана – поэтому я соглашался на это. Но я уже тогда старался петь так, чтобы они не были вставным номером, а имели ещё какую-то другую нагрузку: чтобы эта песня каким-то образом – третьим, четвёртым боком – воздействовала на ситуацию, усиливала её или давала ей другой смысл.

Теперь я стараюсь писать песни в картину так, чтобы сам потом мог спеть её в любом выступлении, чтобы у неё был свой сюжет или какая-то своя идея, даже отстранённая от сюжета фильма, чтобы она шла в параллель с кинематографическим действием или даже за экраном, а не принадлежала только тому зрелищу, в которое она вставлена. Если я сам снимаюсь, – я сам пою свои песни с экрана, а если пишу их для кого-то другого, то пусть лучше они звучат за кадром, – чтобы я их сам пел.

Я РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА 1966

В этой картине я играл капитана-танкиста. Седой, искалеченный человек в свои тридцать лет возвращается домой, полгода пролежав в госпитале. Пришёл, открыл дверь – мебели нет, всю сожгли в печке во время войны. И только запылённая гитара висит на стене, кто-то её пожалел. Он берёт эту гитару и поёт всевозможные песни: среди них и «Братские могилы» и «Звёзды», и «Песня о госпитале», которая выпала из картины из-за того, что убрали весь эпизод. А потом вдруг инвалид на рынке моим голосом пел «Штрафные батальоны»...

И получилось, что два образа – образ, который я играю на экране, и кто я есть на самом деле, – слились вместе.

Это удивительная по настроению картина. И я писал туда песни – вы представляете себе! Я, никогда не воевавший человек, писал песни в картину, где не было ни одного грамма лжи. (1970 – 1976)

Песня о госпитале

Жил я с матерью и батей
На Арбате – здесь бы так! –
А теперь я в медсанбате –
На кровати, весь в бинтах...

Что нам слава, что нам Клава –
Медсестра – и белый свет!..
Помер мой сосед, что справа,
Тот, что слева, – ещё нет.

И однажды, как в угаре,
Тот сосед, что слева, мне
Вдруг сказал: «Послушай, парень,
У тебя ноги-то нет».

Как же так? Неправда, братцы, –
Он, наверно, пошутил!
«Мы отрежем только пальцы» –
Так мне доктор говорил.

Но сосед, который слева,
 Всё смеялся, всё шутил,
Даже если ночью бредил -
 Всё про ногу говорил.

Издевался: мол, не встанешь,
 Не увидишь, мол, жены!..
Поглядел бы ты, товарищ,
 На себя со стороны!

Если б был я не калека
 И слезал с кровати вниз -
Я б тому, который слева,
 Просто глотку перегрыз!

Умолял сестричку Клаву
 Показать, какой я стал...
Был бы жив сосед, что справа, -
 Он бы правду мне сказал!..

1964

Песня о звёздах

Мне этот бой не забыть нипочём -
Смертью пропитан воздух, -
А с небосклона бесшумным дождём
Падали звёзды.

Снова упала - и я загадал:
Выйти живым из боя, -
Так свою жизнь я поспешно связал
С глупой звездою.

Я уж решил: миновала беда
И удалось отвертеться, -
С неба свалилась шальная звезда -
Прямо под сердце.

Нам говорили: «Нужна высота!»
И «Не жалеть патроны!»...
Вон покатилась вторая звезда -
Вам на погоны.

Звёзд этих в небе - как рыбы в прудах, -
Хватит на всех с лихвою.
Если б не насмерть, ходил бы тогда
Тоже - Героем.

Я бы Звезду эту сыну отдал,
Просто - на память...
В небе висит, пропадает звезда -
Некуда падать.

1964

х х х

В холода, в холода
От насиженных мест
Нас другие зовут города, -
Будь то Минск, будь то Брест, -
В холода, в холода...

Неспроста, неспроста,
От родных тополей
Нас суровые манят места -
Будто там веселей, -
Неспроста, неспроста...

Как нас дома ни грей -
Не хватает всегда
Новых встреч нам и новых друзей, -
Будто с нами беда,
Будто с ними теплей...

Как бы ни было нам
Хорошо иногда -
Возвращаемся мы по домам.
Где же ваша звезда?
Может - здесь, может - там...

1965

Высота

Вцепились они в высоту, как в своё.
Огонь миномётный, шквальный...
А мы всё лезли толпой на неё,
Как на буфет вокзальный.

И крики «ура» застывали во рту,
Когда мы пули глотали.
Семь раз занимали мы ту высоту -
Семь раз мы её оставляли.

И снова в атаку не хочется всем,
Земля - как горелая каша...
В восьмой раз возьмём мы её насовсем -
Своё возьмем, кровное, наше!

А может её стороной обойти, -
И что мы к ней прицепились?!
Но, видно, уж точно - все судьбы-пути
На этой высотке скрестились...

1965

Штрафные батальоны

Всего лишь час дают на артобстрел -
Всего лишь час пехоте передышки.
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому - до ордена, ну, а кому - до «вышки».

За этот час не пишем ни строки.
Молись богам войны - артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так, мы - штрафники.

Нам не писать: «Считайте коммунистом».

Перед атакой – водку, – Вот мура!
Свое отпили мы ещё в гражданку.
Поэтому мы не кричим «ура!»,
Со смертью мы играемся в молчанку.

У штрафников один закон, один конец –
Коли, руби фашистского бродягу!
И если не поймает в грудь свинец –
Медаль на грудь поймает за отвагу.

Ты бей штыком, а лучше бей рукой –
Оно надёжней, да оно и тише.
И ежели останешься живой,
Гуляй, рванина, от рубля и выше!

Считает враг – морально мы слабы.
За ним и лес, и города сожжены.
Вы лучше лес рубите на гробы –
В прорыв идут штрафные батальоны!

Вот шесть ноль-ноль, и вот сейчас – обстрел.
Ну, бог войны! Давай – без передышки!
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, а большинству – до «вышки».

1964

Братские могилы

На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают –
К ним кто-то приносит букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают.

Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче – гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы –
Все судьбы в единую слиты.

А в Вечном огне – видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.

У братских могил нет заплаканных вдов –
Сюда ходят люди покрепче,
На братских могилах не ставят крестов...
Но разве от этого легче?!

1965

ВЕРТИКАЛЬ

1967

Горы – это прекрасное место, лучше, чем море. Это я говорю сейчас со знанием дела, потому что три месяца был безвыездно в горах. И самое прекрасное, что есть в горах, – это альпинисты. Они нам помогали делать картину: у нас работало пятнадцать мастеров спорта. Мы три недели тренировались там, лазали тоже, жили на леднике – я написал несколько песен для этого фильма. Сначала не думал, что буду их писать, потому что не знал –

о чём. Я увидел там настоящую мужскую дружбу, которая может быть только у Ремарка в «Трёх товарищах» и в горах у альпинистов – больше нигде. И действительно – таких людей внизу на равнине нет. Может быть, альпинисты сами внизу ведут себя не так, а там они ведут себя очень достойно. (1967)

Песня о друге

Если друг
 оказался вдруг
И не друг, и не враг,
 а так;
Если сразу не разберёшь,
Плох он или хорош, –
Парня в горы тани –
 рискни! –
Не бросай одного
 его:
Пусть он в связке в одной
 с тобой –
Там поймешь, кто такой.

Если парень в горах –
 не ах,
Если сразу раскис
 и вниз,
Шаг ступил на ледник –
 и сник,
Оступился – и в крик, –
Значит, рядом с тобой –
 чужой,
Ты его не брани –
 гони.
Вверх таких не берут
 и тут
Про таких не поют.

Если ж он не скулил,
 не ныл,
Пусть он хмур был и зол,
 но шел.
А когда ты упал
 со скал,
Он стонал,
 но держал;
Если шел он с тобой
 как в бой,
На вершине стоял – хмельной, –
Значит, как на себя самого
Положись на него!

1966

х х х

Свои обиды каждый человек –
Проходит время – и забывает.
А моя печаль – как вечный снег:
Не тает, не тает.

Не тает она и летом
В полуденный зной, –
И знаю я: печаль-тоску мне эту

Скалолазка

Я спросил тебя: «Зачем идёте в гору вы? -
А ты к вершине шла, а ты рвалась в бой, -
Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово...»
Рассмеялась ты - и взяла с собой.

И с тех пор ты стала близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя, -
Первый раз меня из пропасти вытаскивая,
Улыбалась ты, скалолазка моя!

А потом за эти проклятые трещины,
Когда ужин твой я нахваливал,
Получил я две короткие затрещины -
Но не обиделся, а приговаривал:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!..»
Каждый раз меня по трещинам выискивая,
Ты бранила меня, альпинистка моя!

А потом на каждом нашем восхождении -
Но почему ты ко мне недоверчивая?! -
Страховала ты меня с наслаждением,
Альпинистка моя, гуттаперчевая!

Ох, какая ты не близкая, не ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!
Каждый раз меня из пропасти вытаскивая,
Ты учила меня, скалолазка моя.

За тобой тянулся из последней силы я -
До тебя уже мне рукой подать, -
Вот долезу и скажу: «Довольно, милая!»
Тут сорвался вниз, но успел сказать:

«Ох, какая ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалоласковая!..»
Мы теперь с тобой одной верёвкой связаны -
Стали оба мы скалолазами!

Здесь вам не равнина

Здесь вам не равнина, здесь климат иной -
Идут лавины одна за одной.
И здесь за камнепадом ревет камнепад, -
И можно свернуть, обрыв обогнуть, -
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа!.

Кто здесь не бывал, кто не рисковал -
Тот сам себя не испытал,
Пусть даже внизу он звёзды хватал с небес:

Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес.

Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил, -
Как Вечным огнём, сверкает днём
Вершина изумрудным льдом -
Которую ты так и не покорил.

И пусть говорят, да, пусть говорят,
Но - нет, никто не гибнет зря!
Так лучше - чем от водки и от простуд.
Другие придут, сменив уют
На риск и непомерный труд, -
Пройдут тобой не пройденный маршрут.

Отвесные стены... А ну - не зевай!
Ты здесь на везение не уповай -
В горах не надежны ни камень, ни лед, ни скала, -
Надеемся только на крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк -
И молимся, чтобы страховка не подвела.

Мы рубим ступени... Ни шагу назад!
И от напряженья колени дрожат,
И сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир на ладони - ты счастлив и нем
И только немного завидуешь тем,
Другим - у которых вершина ещё впереди.

1966

Военная песня

Мерцал закат, как сталь клинка.
Свою добычу смерть считала.
Бой будет завтра, а пока
Взвод зарывался в облака
И уходил по перевалу.

Отставить разговоры!
Вперёд и вверх, а там...
Ведь это наши горы -
Они помогут нам!

А до войны - вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою,
Он падал вниз, но был спасён, -
А вот сейчас, быть может, он
Свой автомат готовит к бою.

Отставить разговоры!
Вперёд и вверх, а там...
Ведь это наши горы -
Они помогут нам!

Ты снова здесь, ты собран весь -
Ты ждёшь заветного сигнала.
А парень тот - он тоже здесь.

Среди стрелков из «Эдельвейс», -
Их надо сбросить с перевала!

Отставить разговоры!
Вперёд и вверх, а там...
Ведь это наши горы -
Они помогут нам!

Взвод лезет вверх, а у реки -
Тот, с кем ходил ты раньше в паре.
Мы ждем атаки до тоски,
А вот альпийские стрелки
Сегодня что-то не в ударе...

Отставить разговоры!
Вперёд и вверх, а там...
Ведь это наши горы -
Они помогут нам!

1966

Прощание с горами

В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы - просто некуда деться! -
И спускаемся вниз с покорённых вершин,
Оставляя в горах свое сердце.

Так оставьте ненужные споры -
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых ещё не бывал.

Кто захочет в беде оставаться один,
Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?!
Но спускаемся мы с покорённых вершин, -
Что же делать - и боги спускались на землю.

Так оставьте ненужные споры -
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых ещё не бывал.

Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас - и зовут нас остаться! -
Но спускаемся мы - кто на год, кто совсем, -
Потому что всегда мы должны возвращаться.

Так оставьте ненужные споры -
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых никто не бывал!

1966

В этом фильме я играл геолога, который ушёл из министерства, вероятно, потому, что не хотел заниматься своим прямым делом, - это одна из любимых моих ролей. У него почти такая же бродячая жизнь, как и у нас, киноактёров; они втроём там ищут серебро, находят его. Он тоже по полгода дома не бывает... У него дома неприятности, жена просит его остаться, а он говорит: «Поедем со мной!» Он встречает девушку где-то там, посреди своих геологических скитаний. В общем такая вот сложная ситуация, в чём-то это напомнило мне нашу актёрскую судьбу. Но не потому, что у нас какие-то девушки там, в наших скитаниях, а просто - по настроению.

Я считаю, это серьёзная работа. Я там с удовольствием играл и ещё писал песни в этот фильм. Но картина прошла очень незаметно. (1970 -1974)

Песня-сказка о нечисти

В заповедных и дремучих страшных Муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей и в проезжих сеет страх:
Воет воем, что твои упокойники,
Если есть там соловьи - то разбойники.

Страшно, аж жуть!

В заколдованных болотах там кикиморы живут, -
Защекочут до икоты и на дно уволокут.
Будь ты пеший, будь ты конный - заграбастают,
А уж лешие - так по лесу и шастают.

Страшно, аж жуть!

А мужик, купец и воин - попадал в дремучий лес, -
Кто зачем: кто с перепоею, а кто сдуру в чащу лез.
По причине попадали, без причины ли, -
Только всех их и видали - словно стинули.

Страшно, аж жуть!

Из заморского из лесу, где и вовсе сущий ад,
Где такие злые бесы - что друг друга не едят, -
Чтоб творить им совместное зло потом,
Поделиться приехали опытом.

Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник главный им устроил буйный пир,
А от их был Змей трёхглавый и слуга его - Вампир, -
Пили зелье в черепах, ели бульники,
Танцевали на гробах, богохульники!

Страшно, аж жуть!

Змей Горыныч взмыл на древо, ну - раскачивать его:
«Выводи, Разбойник, девок, - пусть покажут кой-чего!
Пусть нам лешие попляшут, попоют!
А не то я, мать вашу, всех сгною!»

Страшно, аж жуть!

Все взревели, как медведи: «Натерпелись - столько лет!
Ведьмы мы али не ведьмы, патриотки али нет?!
Налил бельма, ишь ты, клещ, - отоварился!

Да ещё на наших женщин позарился!...»

Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник тоже был не только лыком шит, -
Гикнул, свистнул, крикнул: «Рожа, ты, заморский паразит!
Убирайся без бою, уматывай
И Вампира с собою прихватывай!»

Страшно, аж жуть!

...А теперь седые люди помнят прежние дела:
Билась нечисть грудью в груди и друг друга извела, -
Прекратилось навек безобразие -
Ходит в лес человек безбоязненно,

И не страшно ничуть!

1967

Дела

Дела!
Меня замучили дела - каждый миг, каждый час, каждый день...
Дотла
Сгорели песни и стихи - дребедень, дребедень, дребедень!
Весь год
Она жила - и вдруг взяла, собрала и ушла,-
И вот -
Опять «весёлые» дела у меня.

Теперь
Хоть целый вечер подари, подари, подари,-
Поверь,
Я буду только говорить!

Из рук,
Из рук вон плохо шли дела у меня, шли дела,-
И вдруг -
Сгорели пламенем дотла,- не дела, а зола!

Весь год
Жила-была - и вдруг взяла, собрала и ушла,-
И вот -
Такие грустные дела у меня.

Теперь
Хоть целый вечер подари, подари, подари,-
Поверь,
Не буду даже говорить!

1966

ИНТЕРВЕНЦИЯ 1968, 1987

В двух картинах я снимался в один и тот же период и играл двух совершенно противоположных людей: поручика Брусенцова в фильме «Служили два товарища» и большевика-подпольщика Бродского в фильме «Интервенция». Оба они гибнут: один гибнет потому что понимает, что выбрал не тот путь, что он теряет Родину и уже потерял идею, - и как отчаявшийся человек пускает себе пулю в рот.

А второй – прообразом его был Ласточкин, его именем названа улица в Одессе – это был удивительный человек, вездесущий. Его все знали, за него интервенты предлагали бешеные деньги. Он, Жанна Лябурб и ещё несколько человек проводили агитацию в войсках интервентов, и это окончилось полным провалом интервенции: французские солдаты отказались стрелять в наших. Он был арестован, его пытали и потом повесили. Но он гибнет как-то спокойнее, потому что он выполнил дело, которому служил. У меня есть сцена в тюрьме, где я пою «Песню о деревянных костюмах» – очень грустную песню. (1970 – 1971)

Песня Саньки

У моря, у порта
Живёт одна девчонка, –
Там моряков до чёрта
Из дальних разных стран,
Загадочных стран.

И все они едва ли
Девчонку эту знали, –
Одни не замечали:
Мол, не было печали, –
Ну а другим, кто пьян,
Скорее бы – стакан.

Подруга, блондинка,
Та, что живёт у рынка:
Как день – так вечеринка, –
Веселье там и смех,
Веселье и смех.

А тихая девчонка,
Хоть петь умела звонко,
К подруге не ходила –
Ей не до песен было, –
Веселье и успех
В почёте не у всех;

Манеры, поклоны,
Мегеры и матроны,
Красавчики пажоны –
До них ей далеко,
До них далеко.
Ей не до поцелуев –
Ведь надо бить буржуев!
И надо бить, заметьте,
На всем на белом свете –
И будет всем легко,
И будет всем легко!

1967

х х х

Передо мной любой факир – ну просто карлик,
Я их держу за самых мелких фраеров, –
Возьмите мне один билет до Монте-Карло –
Я потревожу ихних шулеров!

Не соблазнят меня ни ихние красотки,
А на рулетку – только б мне взглянуть, –
Их банкомёты мне вылижут подмётки,
А я на поезд – и в обратный путь.

Играть я буду и на красных и на чёрных,
И Монте-Карло я облажу все углы, -
Останутся у них в домах игорных
Одни хваленые зелёные столы.

Я привезу с собою массу впечатлений:
Попью коктейли, послушаю джаз-банд, -
Я привезу с собою кучу ихних денег -
И всю валюту сдам в советский банк.

Я говорю про всё про это без ухарства -
Шутить мне некогда: мне «вышка» на носу, -
Но пользу нашему родному государству
Наверняка я этим принесу!

1964

Гром прогремел

Гром прогремел - золяция идёт,
Губернский розыск рассылает телеграммы,
Что вся Одесса переполнута з ворами,
И что настал критический момент -
И заедает тёмный элемент.

Не тот расклад - начальники грустят, -
Во всех притонах пьют не вины, а отравы,
Во всём у городе - убийства и облавы, -
Они приказ дают - идти ва-банк
И применить запасный вариант!

Вот мент идёт - идёт в обход,
Губернский розыск рассылает телеграммы,
Что вся Одесса переполнута з ворами
И что настал критический момент -
И заедает тёмный элемент.

А им в ответ дают такой совет:
Имейте каплю уваженья к этой драме,
Четыре сбоку - ваших нет в Одессе-маме!
Пусть мент идёт, идёт себе в обход, -
Расклад не тот - и нумер не пройдёт!

1967

х х х

До нашей эры соблюдалось чувство меры,
Потом бандитов называли - «флибустьеры», -
Потом название звучное «пират»
Забыли, - бить их
И словом оскорбить их
Всякий рад.

Бандит же ближних возлюбил, - души не чает,
И если чтой-то им карман отягощает -
Он подойдет к им как интеллигент,
Улыбку выжмет -
И облегчает ближних
За момент.

А если ближние начнут сопротивляться,

Излишне нервничать и сильно волноваться, -
Тогда бандит поступит как бандит:
Он стрельнет трижды -
И вмиг приводит ближних
В трупный вид.

А им за это - ни чинов, ни послаблений, -
Доходит даже до взаимных оскорблений, -
Едва бандит выходит за порог,
Как сразу: «Стойте!
Невинного не стройте!
Под замок!»

На теле общества есть много паразитов,
Но почему-то все стесняются бандитов, -
И с возмущеньем хочется сказать:
«Поверьте, - Боже,
Бандитов надо тоже
Понимать!»

1967

Песня Бродского

Как все, мы веселы бываем и угрюмы,
Но если надо выбирать и выбор труден -
Мы выбираем деревянные костюмы, -
Люди! Люди!

Нам будут долго предлагать не прогадать:
«Ах, - скажут, - что вы! Вы ещё не жили!
Вам надо только-только начинать!..» -
Ну, а потом предложат: или - или.

Или пляжи, вернисажи, или даже
Пароходы, в них наполненные трюмы,
Экипажи, скачки, рауты, вояжи -
Или просто деревянные костюмы.

И будут веселы они или угрюмы,
И будут в роли злых шутов и добрых судей, -
Но нам предложат деревянные костюмы, -
Люди! Люди!

Нам могут даже предложить и закурить:
«Ах, - вспомнят, - вы ведь долго не курили!
Да вы ещё не начинали жить!..» -
Ну а потом предложат: или - или.

Дым папиросы навевает что-то, -
Одна затяжка - веселее думы.
Куриль охота! Как курить охота!
Но надо выбрать деревянные костюмы.

И будут вежливы и ласковы настолько -
Предложат жизнь счастливую на блюде, -
Но мы откажемся - и бьют они жестоко, -
Люди! Люди! Люди!

1967

ОПАСНЫЕ ГАСТРОЛИ 1969

В этом фильме я играл роль актёра Бенгальского, который помогает переправлять нелегальную литературу для нашей партии из-за границы в Россию.

Фильм вызвал много и критики и похвал. Много в этой критике справедливого в том, что касается художественных достоинств: вероятно, многовато мы показали всяких танцев и так далее, а многое – нет. Это первая картина в таком жанре и о ней нельзя говорить как, скажем, о какой-то эпопее о революции – это развлекательное кино на материале 1907 года. Я всё равно тепло отношусь к этой картине, вижу сам много недостатков – но смотреть интересно! А если о необыкновенно интересных вещах – о подпольной борьбе, о гражданской войне – говорится скучно, то ведь само дело проигрывает от этого. Мне кажется, что обязательно должны быть музыкальные фильмы на такую серьёзную тему. (1970 – 1971)

Куплеты Бенгальского

Дамы, господа! Других не вижу здесь.
Блеск, изыск и общество – прелестно!
Сотвори господь хоть пятьдесят Одесс –
Всё равно в Одессе будет тесно.

Говорят, что здесь бывала
Королева из Непала
И какой-то крупный лорд из Эдинбурга,
И отсюда много ближе
До Берлина и Парижа,
Чем из даже самого Санкт-Петербурга.

Вот приехал в город меценат и крез –
Весь в деньгах, с задатками повесы.
Если был он с гонором, так будет – без,
Шаг ступив по улицам Одессы.

Из подробностей пикантных –
Две: мужчин столь элегантных
В целом свете вряд ли встретить бы смогли вы.
Ну а женщины Одессы –
Все скромны, все – поэтессы,
Все умны, а в крайнем случае – красивы.

Грузчики в порту, которым равных нет,
Отдыхают с баснями Крылова.
Если вы чуть-чуть художник и поэт –
Вас поймут в Одессе с полуслова.

Нет прохода здесь, клянусь вам,
От любителей искусства,
И об этом много раз писали в прессе.
Если в Англии и в Штатах
Недостаток в меценатах –
Пусть приедут, позаимствуют в Одессе.

Дамы, господа! Я восхищён и смят.
Мадам, месье! Я счастлив, что таиться!
Леди, джентльмены! Я готов стократ
Умереть и снова здесь родиться.

Всё в Одессе – море, песни,
Порт, бульвар и много лестниц,
Крабы, устрицы, акации, мезон шанте, –
Да, наш город процветает,

Но в Одессе не хватает
Самой малости – театра-варьете!

1968

Цыганская песня

Камнем грусть весит на мне, в омут меня тянет, –
Отчего любое слово больно нынче ранит?
Просто где-то рядом встали табором цыгане
И тревожат душу вечерами.

И, как струны, поют тополя.
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!
И звенит, как гитара, земля.
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!

Утоплю тоску в реке, украду хоть ночь я, –
Там в степи костры горят и пламя меня манит.
Душу и рубаху – эх! – растерзаю в клочья, –
Только пособите мне, цыгане!

Я сегодня пропьюсь до рубля!
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!
Пусть поёт мне цыганка, шаля.
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!

Всё уснувшее во мне – струны вновь разбудят,
Всё поросшее быльём – да расцветёт цветами!
Люди добрые простят, а злые – пусть осудят, –
Я, цыгане, жить останусь с вами!

Ты меня не дождёшься, петля!
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!
Лейся, песня, как дождь на поля!
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!

1968

Баллада о цветах, деревьях и миллионерах

В томленье одиноком
В тени – не на виду –
Под неусыпным оком
Цвела она в саду.

Маман – всегда с друзьями,
Папа от них сбежал,
Зато Каштан ветвями
От взглядов укрывал.

Высоко ль или низко
Каштан над головой, –
Но Роза-гимназистка
Увидела – его.

Нарцисс – цветок воспетый,
Отец его – магнат,
И многих Роз до этой
Вдыхал он аромат.

Он вовсе был не хамом -
Изысканных манер.
Мама его - гран-дама,
Папа - миллионер.

Он в детстве был опрыскан -
Не запах, а дурман, -
И Роза-гимназистка
Вступила с ним в роман.

И вот, исчадьё ада,
Нарцисс тот, ловелас,
«Иди ко мне из сада!» -
Сказал ей как-то раз.

Когда ещё так пелось?!
И Роза, в чём была,
Сказала: «Ах!» - зарделась -
И вещи собрала.

И всеми лепестками
Вмиг завладел нахал.
Маман была с друзьями,
Каштан уже опал.

Искала Роза счастья
И не видала, как
Сох от любви и страсти
Почти что зрелый Мак.

Но думала едва ли,
Как душен пошлый цвет, -
Все лепестки опали -
И Розы больше нет.

И в чёрном цвете Мака
Был траурный покой.
Каштан ужасно плакал,
Когда расцвёл весной.

1968

Романс

Было так - я любил и страдал.
Было так - я о ней лишь мечтал.
Я её видел тайно во сне
Амазонкой на белом коне.

Что мне была вся мудрость скучных книг,
Когда к следам её губами мог припасть я!
Что с вами было, королева грёз моих?
Что с вами стало, моё призрачное счастье?

Наши души купались в весне,
Плыли головы наши в огне.
И печаль, с ней и боль - далеки,
И казалось - не будет тоски.

Ну а теперь - хоть саван ей готовь, -
Смеюсь сквозь слёзы я и плачу без причины.

И шерстят они нас в пух -
 им успех, а нам испуг, -
Но тузы - они ведь бьются козырями!

Но вот явились к нам они - сказали: «Здрасьте!».
Мы их не ждали, а они уже пришли...
А в колоде как-никак - четыре масти, -
И им достались все тузы и короли!

Неудачная игра -
 одолели шулера, -
Карта прёт им, ну а нам - пойду покличу!
Зубы щёлкают у них -
 видно, каждый хочет вмиг
Кончить дело - и начать делить добычу.

Но вот явились к нам они - сказали: «Здрасьте!».
Мы их не ждали, а они уже пришли...
А в колоде как-никак - четыре масти, -
И им достались все тузы и короли!

Только зря они шустры -
 не сейчас конец игры!
Жаль, что вечер на дворе такой безлунный!..
Мы плетёмся наугад,
 нам фортуна кажет зад, -
Но ничего - мы рассчитаемся с фортуной!

Но вот явились к нам они - сказали: «Здрасьте!».
Мы их не ждали, а они уже пришли...
Но в колоде всё равно - четыре масти, -
И нам достанутся тузы и короли!

1967

Песня о новом времени

Как призывный набат, прозвучали в ночи тяжело шаги, -
Значит, скоро и нам - уходить и прощаться без слов.
По нехоженным тропам протопали лошади, лошади,
Неизвестно к какому концу унося седоков.

Значит, время иное, лихое, но счастье, как встарь, ищи!
И в погоню за ним мы летим, убегающим, вслед.
Только вот в этой скачке теряем мы лучших товарищей,
На скаку не заметив, что рядом - товарищей нет.

И ещё будем долго огни принимать за пожары мы,
Будет долго зловещим казаться нам скрип сапогов,
О войне будут детские игры с названьями старыми,
И людей будем долго делить на своих и врагов.

Но когда отгрохочет, когда отгорит и отплачется,
И когда наши кони устанут под нами скакать,
И когда наши девушки сменят шинели на платица, -
Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять!..

1967

Песня о Земле

Кто сказал: «Всё сторело дотла,
Больше в землю не бросите семя!»?
Кто сказал, что Земля умерла?
Нет, она затаилась на время!

Материнства не взять у Земли,
Не отнять, как не вычерпать моря.
Кто поверил, что Землю сожгли?
Нет, она почернела от горя.

Как разрезы, траншеи легли,
И воронки – как раны зияют.
Обнажённые нервы Земли
Неземное страдание знают.

Она вынесет все, переждёт, –
Не записывай Землю в калеки!
Кто сказал, что Земля не поёт,
Что она замолчала навеки?!

Нет! Звенит она, стоны глуша,
Изо всех своих ран, из отдушин,
Ведь Земля – это наша душа, –
Сапогами не вытоптать душу!

Кто поверил, что Землю сожгли?!
Нет, она затаилась на время...

1969

Он не вернулся из боя

Почему всё не так? Вроде – всё как всегда:
То же небо – опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода...
Только – он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
В наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас –
Когда он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом вставал, –
А вчера не вернулся из боя.

То, что пусто теперь, – не про то разговор:
Вдруг заметил я – нас было двое...
Для меня – будто ветром задуло костёр,
Когда он не вернулся из боя.

Нынче вырвалась, словно из плена, весна,
По ошибке окликнул его я:
«Друг, оставь покурить!» – а в ответ – тишина...
Он вчера не вернулся из боя.

Наши мёртвые нас не оставят в беде,
Наши павшие – как часовые...
Отражается небо в лесу, как в воде, –

И деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло – для обоих...
Всё теперь – одному, – только кажется мне –
Это я не вернулся из боя.

1969

Сыновья уходят в бой

Сегодня не слышно биенье сердец –
Оно для аллей и беседок.
Я падаю, грудью хватая свинец,
Подумать успев напоследок:

«На этот раз мне не вернуться,
Я уйду – придёт другой».
Мы не успели оглянуться –
А сыновья уходят в бой!

Вот кто-то решил: после нас – хоть потоп,
Как в пропасть шагнул из окопа.
А я для того свой покинул окоп,
Чтоб не было вовсе потопа.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
Я крепко обнимусь с землёй.
Мы не успели оглянуться –
А сыновья уходят в бой!

Кто сменит меня, кто в атаку пойдёт?
Кто выйдет к заветному мосту?
И мне захотелось – пусть будет вон тот,
Одетый во всё не по росту.

Я успеваю улыбнуться,
Я видел, кто придёт за мной.
Мы не успели оглянуться –
А сыновья уходят в бой!

Разрывы глушили биенье сердец,
Моё же – мне громко стучало,
Что всё же конец мой – ещё не конец:
Конец – это чьё-то начало.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
Я крепко обнимусь с землёй.
Мы не успели оглянуться –
А сыновья уходят в бой!

1969

В темноте

Темнота впереди – подожди!
Там – стеною закаты багровые,
Встречный ветер, косые дожди
И дороги неровные.

Там - чужие слова, там - дурная молва,
Там ненужные встречи случаются,
Там пожухла, сгорела трава
И следы не читаются, -
В темноте.

Там проверка на прочность - бои,
И закаты, и ветры с прибоями, -
Сердце путает ритмы свои
И стучит с перебоями.

Там - чужие слова, там - дурная молва,
Там ненужные встречи случаются,
Там пожухла, сгорела трава
И следы не читаются, -
В темноте.

Там и звуки и краски - не те,
Только мне выбирать не приходится -
Видно, нужен я там, в темноте, -
Ничего - распогодится!

Там - чужие слова, там - дурная молва,
Там ненужные встречи случаются,
Там пожухла, сгорела трава
И следы не читаются, -
В темноте.

1969

ЗЕМЛЯ САННИКОВА 1973

...У меня много событий, в основном не очень хороших. Например, утвердили меня в картину «Земля Санникова», сделали ставку, заключили договор, взяли билеты, бегал я с визой для Марины, освобождение в театре вырывал с кровью у директора и Любимова, а за день до отъезда Сизов - директор «Мосфильма» - сказал: «Его не надо!» - «Почему?» - спрашивают режиссёры. «А не надо и всё! Он - современная фигура» и т.д. в том же духе /.../ Словом, билеты я сдал, режиссёры уехали все в слезах, умоляли меня пойти, похлопотать и так далее. Я начал деятельность, просил всяких приёмов, воздействовал через друзей, не знаю, чем всё кончится, обещали принять, поговорить, повлиять, изменить и т.д. Видишь ли, Славик, я не так сожалею об этой картине, хотя роль интересная и несколько ночей писал я песни, /.../ нужно просто поломать откуда-то возникшее мнение, что меня нельзя снимать, что я - одиозная личность, что будут бегать смотреть на Высоцкого, а не на фильм, и всем плевать на ту высокую нравственную идею фильма, которую я обязательно искажу, а то и уничтожу своей неимоверно скандальной популярностью...

Из письма С.Говорухину, 1972

Белое безмолвие

Все года, и века, и эпохи подряд -
Всё стремится к теплу от морозов и вьюг, -
Почему ж эти птицы на север летят,
Если птицам положено - только на юг?

Слава им не нужна - и величие,
Вот под крыльями кончится лёд -
И найдут они счастье птичье,
Как награду за дерзкий полёт!

Что же нам не жилось, что же нам не спалось?
Что нас выгнало в путь по высокой волне?
Нам сиянье пока наблюдать не пришлось, -
Это редко бывает - сиянья в цене!

Тишина... Только чайки - как молнии, -
Пустотой мы их кормим из рук.
Но наградой нам за безмолвие
Обязательно будет звук!

Как давно снятся нам только белые сны -
Все другие оттенки снега занесли, -
Мы ослепли давно от такой белизны, -
Но прозреем от чёрной полосы земли.

Наше горло отпустит молчание,
Наша слабость растает как тень, -
И наградой за ночи отчаянья
Будет вечный полярный день!

Север, воля, надежда - страна без границ,
Снег без грязи - как долгая жизнь без вранья.
Вороньё нам не выключает глаз из глазниц -
Потому, что не водится здесь воронья.

Кто не верил в дурные пророчества,
В снег не лёг ни на миг отдохнуть -
Тем наградой за одиночество
Должен встретиться кто-нибудь!

1972

Баллада о брошенном корабле

Капитана в тот день называли на ты,
Шкипер с юнгой сравнились в талантах;
Распрямляя хребты и срывая бинты,
Бесновались матросы на вантах.

Двери наших мозгов
Посрывало с петель
В миражи берегов,
В покрывала земель,

Этих обетованных, желанных -
И колумбовых, и магелланских.

Только мне берегов
Не видать и земель -
С хода в девять узлов
Сел по горло на мель!
А у всех молодцов -
Благородная цель...
И в конце-то концов -
Я ведь сам сел на мель.

И ушли корабли - мои братья, мой флот, -
Кто чувствительней - брызги стлотнули.
Без меня продолжался великий поход,
На меня ж парусами махнули.

И погоду и случай
Безбожно кляня,
Мои пасынки кучей
Бросали меня.

Вот со шлюпок два залпа - и ладно! -
От Колумба и от Магеллана.

Я пью пену - волна
Не доходит до рта,
И от палуб до дна
Обнажились борта,
А бока мои грязны -
Таи не таи, -
Так любуйтесь на язвы
И раны мои!

Вот дыра у ребра - это след от ядра,
Вот рубцы от тарана, и даже
Видны шрамы от крючьев - какой-то пират
Мне хребет перебил в абордаже.

Киль - как старый неровный
Гитаровый гриф:
Это брюхо вспорол мне
Коралловый риф.

Задыхаюсь, гнию - так бывает:
И просоленное загнивает.

Ветры кровь мою пьют
И сквозь щели снуют
Прямо с бака на ют, -
Меня ветры добьют:
Я под ними стою
От утра до утра, -
Гвозди в душу мою
Забивают ветра.

И гулякой шальным всё швыряют вверх дном
Эти ветры - незваные гости, -
Захлебнуться бы им в моих трюмах вином
Или - с мели сорвать меня в злости!

Я уверовал в это,
Как загнанный зверь,
Но не злобные ветры
Нужны мне теперь.

Мои мачты - как дряблые руки,
Паруса - словно груди старухи.

Будет чудо восьмое -
И добрый прибой
Моё тело омоет
Живою водой,
Моря божья роса
С меня снимет табу -
Вздует мне паруса,
Словно жилы на лбу.

Догоню я своих, догоню и прошу
Позабывшую помнить армаду.
И команду свою я обратно пущу:

Я ведь зла не держу на команду.

Только, кажется, нет
Больше места в строю.
Плохо шутишь, корвет,
Потеснись – раскрою!

Как же так – я ваш брат,
Я ушёл от беды...
Полевее, фрегат, –
Всем нам хватит воды!

До чего ж вы дошли:
Значит, что – мне уйти?!
Если был на мели –
Дальше нету пути?!
Разомкните ряды,
Всё же мы – корабли, –
Всем нам хватит воды,
Всем нам хватит земли,

Этой обетованной, желанной –
И колумбовой, и магелланной!

1971

Кони привередливые

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому краю
Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...
Что-то воздуху мне мало – ветер пью, туман глотаю, –
Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть!
Но что-то кони мне попались привередливые –
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Я коней напою,
я куплет допою –
Хоть мгновенье ещё постою
на краю...

Стину я – меня пушинкой ураган сметёт с ладони,
И в санях меня галопом повлекут по снегу утром, –
Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони,
Хоть немного, но продлите путь к последнему приюту!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Не указчики вам кнут и плеть!
Но что-то кони мне попались привередливые –
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Я коней напою,
я куплет допою –
Хоть мгновенье ещё постою
на краю...

Мы успели: в гости к Богу не бывает опозданий, –
Так, что ж там ангелы поют такими злыми голосами?!
Или это колокольчик весь зашёлся от рыданий,
Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Умоляю вас вскачь не лететь!
Но что-то кони мне попались привередливые...
Коль дожить не успел, так хотя бы - допеть!

Я коней напою,
я куплет допою -
Хоть мгновенье ещё постою
на краю...

1972

МОРСКИЕ ВОРОТА 1974

Я иногда много работаю для кино, а получается - ничего, пшик. Примерно из пяти работ, которые я делаю, видят свет и доходят до слушателей - две. Никогда не знаю, когда пишу песни или снимаюсь, - будет это в картине или нет. И не оттого, что вот, мол, какой я крамольный и запрещённый - совсем не по этой причине, хотя и это тоже бывает... Это из-за того, что я всегда пытаюсь писать всерьёз даже шуточное. Ну, это уже свои дела, но бывают дела намного сложнее, в которых ты не можешь никому ничего доказать. Но я всё равно постараюсь сохранить этим песням жизнь, они пойдут на магнитофоны, я буду надеяться, что это будет доставлять людям радость, удовольствие, заставит подумать ни так далее. Они, конечно, не пропадут, хотя есть ощущение досады. (1976 - 1978)

х х х

В день, когда мы, поддержкой земли заручась,
По высокой воде, по солёной, своей,
Выйдем в точно назначенный час, -
Море станет укачивать нас,
Словно мать непутёвых детей.

Волны будут работать - и в поте лица
Корабельные наши бока иссекут,
Терпеливо машины начнут месяца
Составлять из ритмичных секунд.

А кругом - только водная гладь, - благодать!
И на долгие мили кругом - ни души!..
Оттого морякам тяжело привыкать
Засыпать после качки в уютной тиши.

Наши будни - без праздников, без выходных, -
В море нам и без отдыха хватит помех.
Мы подруг забываем своих:
Им - до нас, нам подчас не до них, -
Да простят они нам этот грех!

Нет, неправда! Вздыхаем о них у кормы
И во сне имена повторяем тайком.
Здесь совсем не за юбкой гоняемся мы,
Не за счастьем, а за косяком.

А кругом - только водная гладь, - благодать!
Ни заборов, ни стен - хоть паши, хоть пляши!..
Оттого морякам тяжело привыкать
Засыпать после качки в уютной тиши.

Говорят, что плывём мы за длинным рублём, -
Кстати, длинных рублей просто так не добыть, -
Но мы в море - за морем плывём,
И ещё - за единственным днём,
О котором потом не забыть.

А когда из другой, непохожей весны
Мы к родному причалу придем прямым, -
Растворятся морские ворота страны
Перед каждым своим моряком.

В море - водная гладь, да ещё - благодать!
И вестей - никаких, сколько нам ни пиши...
Оттого морякам тяжело привыкать
Засыпать после качки в уютной тиши.

И опять уплываем, с землёй обручась -
С этой самою верной невестой своей, -
Чтоб вернуться в назначенный час,
Как бы там ни баюкало нас
Море - мать непутевых детей.

Вот маяк нам забыл подморгнуть с высоты,
Только пялит глаза - ошалел, обалдел:
Он увидел, что судно встает на винты,
Обороты врубив на предел.

А на пирсе стоять - все равно благодать, -
И качаться на суше, и петь от души.
Нам, вернувшимся, не привыкать привыкать
После громких штормов к долгожданной тиши!

1973

х х х

Всему на свете выходят сроки,
А соль морская - въедлива как черт, -
Два мрачных судна стояли в доке,
Стояли рядом - просто к борту борт.

Та, что поменьше, вбок кривила трубы
И пожимала боком и кормой:
«Какого типа этот тип? Какой он грубый!
Корявый, ржавый - просто никакой!»

В упор не видели друг друга
оба судна
И ненавидели друг друга
обоюдно.

Он в аварийном был состоянии,
Но и она - не новая отнюдь, -
Так что увидишь на расстоянии -
С испуга можно взять и затонуть.

Тот, что побольше, мёрз от отвращения,
Хоть был железный малый, с крепким дном, -
Все двадцать тысяч водоизмещения
От возмущения содрогались в нём!

И так обидели друг друга

оба судна,
Что ненавидели друг друга
обоюдно.

Прошли недели, - их подлатали,
По ржавым швам шпаклёвщики прошли,
И ватерлинией вдоль талии
Перевязали корабли.

И медь надраили, и краску наложили,
Пар развели, в салонах свет зажгли, -
И палубы и плечи распрямили
К концу ремонта эти корабли.

И в гладкий борт узрели
оба судна,
Что так похорошели -
обоюдно.

Тот, что побольше, той, что поменьше,
Сказал, вздохнув: «Мы оба не правы!
Я никогда не видел женщин
И кораблей - прекраснее, чем вы!»

Та, что поменьше, в том же состоянье
Шепнула, что и он неотразим:
«Большое видится на расстоянии, -
Но лучше, если всё-таки - вблизи».

Кругом конструкции толпились,
было людно,
И оба судно объяснились -
обоюдно!

Хотя какой-то портовый дока
Их приписал не в тот же самый порт -
Два корабля так и ушли из дока,
Как и стояли, - вместе, к борту борт.

До горизонта шли в молчанье рядом,
Не подчиняясь ни теченьям, ни рулям.
Махала ласково ремонтная бригада
Двум не желающим расстаться кораблям.

Что с ними? Может быть, взбесились
оба судна?
А может, попросту влюбились -
обоюдно.

1973

Пиратская

Был развесёлый розовый восход,
И плыл корабль навстречу передрягам,
И юнга вышел в первый свой поход
Под флибустьерским черепастым флагом.

Накренившись к воде, парусами шурша,
Бриг двухмачтовый лёг в развороте.
А у юнги от счастья качалась душа,
Как пеньковые ванты на гроте.

И душу нежную под грубой робой пряча,
Суровый шкипер дал ему совет:
«Будь джентльменом, если есть удача,
А без удачи – джентльменов нет!»

И плавал бриг туда, куда хотел,
Встречался – с кем судьба его сводила,
Ломая кости веслам каравелл,
Когда до абордажа доходило.

Был однажды богатой добычи делёж –
И пираты бесились и выли...
Юнга вдруг побледнел и схватился за нож, –
Потому что его обделили.

Стояла девушка, не прячась и не плача,
И юнга вспомнил шкиперский завет:
Мы – джентльмены, если есть удача,
А нет удачи – джентльменов нет!

И видел он, что капитан молчал,
Не пробуя сдержать кровавой свары.
И ран глубоких он не замечал –
И наносил ответные удары.

Только ей показалось, что с юнгой – беда,
А другого она не хотела, –
Перекинулась за борт – и скрыла вода
Золотистое смуглое тело.

И прямо в грудь себе, пиратов озадачив,
Он разрядил горячий пистолет...
Он был последний джентльмен удачи, –
Конец удачи – джентльменов нет!

1973

х х х

Когда я спотыкаюсь на стихах,
Когда ни до размеров, ни до рифм, –
Тогда друзьям пою о морях,
До белых пальцев стискивая гриф.

Всем делам моим на суше вопреки
И назло моим заботам на земле
Вы возьмите меня в море, моряки, –
Я все вахты отстою на корабле!

Любая тварь по морю знай плывет,
Под винт попасть не каждый норовит, –
А здесь, на суше, каждый пешеход
Наступит, оттолкнёт – и убежит.

Так всем делам моим на суше вопреки
Так назло моим заботам на земле
Вы возьмите меня в море, моряки,
Я все вахты отстою на корабле!

Известно вам – мир не на трёх китах,
А нам известно – он не на троих.

И когда на смокинге левый борт подгнил.

Горевал без памяти
В доке, в тихой заводи,
Зол и раздосадован крайне,
Ржавый и взъерошенный
И командой брошенный,
В гордом одиночестве лайнер.

А ей невероятно повезло:
Под танго музыкального салона
Пришла к нему под чёрное крыло -
И встала рядом белая мадонна!

1974

х х х

Сначала было слово печали и тоски,
Рождалась в муках творчества планета, -
Рвались от суши в никуда огромные куски
И островами становились где-то.

И, странствуя по свету без фрахта и без флага
Сквозь миллионолетья, эпохи и века,
Менял свой облик остров, отшельник и бродяга,
Но сохранял природу и дух материка.

Сначала было слово, но кончились слова,
Уже матросы Землю населяли, -
И ринулись они по сходням вверх на острова,
Для красоты назвав их кораблями.

Но цепко держит берег - надёжней мертвой хватки, -
И острова вернутся назад наверняка,
На них царят морские - особые порядки,
На них хранят законы и честь материка.

Простит ли нас наука за эту параллель,
За вольность в толковании теорий, -
И если уж сначала было слово на Земле,
То это, безусловно, - слово «море»!

1974

ИВАН ДА МАРЬЯ 1974 (1975)

Меня часто спрашивают, почему это я не пишу последнее время песни-сказки. Это - неправда: я продолжаю писать сказки, но уже не просто сюжетные - сказки для персонажей. И вот недавно я работал для картины «Иван да Марья» и написал туда несколько сказок, вернее даже - не сказок, а несколько таких реплик всяким сказочным персонажам, в основном - нечисти всякой. У меня нечистая сила поёт там человеческими голосами. Нечисть там - как хулиганы выступает. Такие бандиты! Там есть, например, Соловей-разбойник, Баба Яга. Они шастают по лесу, гуляют и выходят иногда в город бедокурить - стёкла бьют... Но их наконец прогоняет солдат Иван - и они в лесу сидят и поют, что, дескать, вот у них какое плохое положение - никто не обращает внимания на их нечистую силу... В этот фильм я написал много музыкальных номеров, текстов песен, но, к сожалению, опять почти ничего не осталось - всё выстригли. (1976 - 1978)

Скоморохи на ярмарке

Эй, народ честной, незадачливый!
Ай вы, купчики да служивый люд!
Живо к городу поворачивай -
Там не зря в набат с колоколен бьют!

Все ряды уже с утра
 позахвачены -
Уйма всякого добра,
 всякой всячины,

Там точильные круги
 точат лясы,
Там лихие сапоги-
 самоплясы.

Тагарга-матагарга,
Во столице ярмарка –
Сказочно-реальная,
Цветомузыкальная!

Богачи и голь перекатная, -
Покупатели все, однако, вы,
И хоть ярмарка не бесплатная,
Раз в году вы все одинаковы!

За едою в закрома
 спозараночка
Скатерть сбегает сама -
 самобраночка.
Кто не схочет есть и пить,
 тем - изнанка,
Их начнёт сама бранить
 самобранка.

Тагарга-матагарга,
Вот такая ярмарка!
Праздничная, вольная,
Белохлебосольная!

Вон и шапочки-невидимочки, -
Кто наденет их - станет барином.
Леденцы во рту - словно льдиночки,
И жар-птица есть в виде жареном!

Прилетали год назад
Гуси-Лебеди,
А теперь они лежат
на столе, гляди!
Эй, слезайте с облучка
добры люди,
Да из Белого Бычка
ешьте студень!

Тагарга-матагарга,
Всем богата ярмарка!
Вон орехи рядышком -
С изумрудным ядрышком!

Скоморохи здесь – все хорошие,
Скачут-прыгают через палочку.
Прибауточки скоморошье, –

Смех и грех от них - все вповалочку!

По традиции, как встарь,
вплавь и волоком
Привезли царь-самовар,
как царь-колокол, -
Сковарный самовар -
он на торфе
Вам на выбор сварит вар
или кофе.

Тагарга-матагарга,
Удалая ярмарка -
С плясунами резвыми,
Большей частью - трезвыми!

Вот Балда пришёл, поработать чтоб:
Без работы он киснет-квасится.
Тут как тут и Поп - толоконный лоб,
Но Балда ему - кукиш с маслицем!

Разновесные веса -
проторгуешься!
В скороходики-часы -
не обуешься!
Скороходы-сапоги
не залапьте!
А для стужи да пурги -
лучше лапти.

Тагарга-матагарга,
Что за чудо ярмарка -
Звонкая, несонная,
Нетрадиционная!

Вон Емелюшка Шуку мнёт в руке -
Шуке быть ухой, вкусным варевом.
Черномор Кота продаёт в мешке -
Слишком много Кот разговаривал.

Говорил он без тычка,
без задорины -
Все мы сказками слегка
объегорены.
Не скупись, не стой, народ
за ценою:
Продаётся с цепью Кот
золотою!

Тагарга-матагарга,
Упоенье - ярмарка, -
Общее, повальное,
Эмоциональное!

Будет смехом-то рвать животики!
Кто отважится, разохотится
Да на коврике-самолётике
Не откажется, а прокотится?!

Разрешите сделать вам
примечание:
Никаких воздушных ям
и качания, -
Ковролётики вчера

ночь не спали -
Пыль из этого ковра
выбивали.

Тагарга-матагарга,
Удалася ярмарка!
Тагарга-матагарга,
Хорошо бы - надолго!

Здесь река течет - вся молочная,
Берега над ней - сплошь кисельные, -
Мы вобьём во дно сваи прочные,
Запрудим её - дело дельное!

Запрудили мы реку -
это плохо ли?! -
На кисельном берегу
пляж отгрохали.
Но купаться нам пока
нету смысла,
Потому - у нас река
вся прокисла!

Тагарга-матагарга,
Не в обиде ярмарка -
Хоть залейся нашею
Кислой простоквашею!

Мы беду-напасть подожжём огнём,
Распрявим хребты втрое сложенным,
Меду хмельного до краёв нальём
Всем скучающим и скукоженным!

Много тыщ имеет кто -
тратьте тыщи те!
Даже то - не знаю что -
здесь отыщете!
Коль на ярмарку пришли -
так гуляйте, -
Неразменные рубли
разменяйте!

Тагарга-матагарга,
Для весёлых ярмарка!
Подходи, подваливай,
Сахари, присаливай!

1974

Свадебная

Ты, звонарь-пономарь, не кемарь,
Звонкий колокол раскочегаривай!
Ты, очнись, встrepенись, гармонист,
Переливами щедро одаривай!

Мы беду навек спровадили,
В грудь ей вбили кол осиновый.
Перебор сегодня свадебный,
Звон над городом - малиновый.

Эй, гармошечка, дразни,

Не спеши, подманивай!
Главный колокол, звони,
Маленький, подзванивай!

Крикуны, певуны, плясуны!
Оглашенные, неугомонные!
Нынче пир, буйный пир на весь мир!
Все – желанные, все – приглашённые!

Как на ярмарочной площади
Вы веселие обрящете,
Там и горло прополощете,
Там споёте и попляшете!

Не серчай, а получай
Чашу полновесную!
Подходи да привечай
Жениха с невестой!

Топочи, хлопочи, хохочи!
Хороводы води развесёлые!
По бокам, по углам – к старикам
Разойдись, недоёные, квёлые!

Поздравляй, да с пониманием,
За застольною беседою –
Со счастливым сочетанием
Да с законною победою!

Наша свадьба – не конец
Дельцу пустяковому:
Делу доброму венец,
Да начало новому!

1974

Выезд Соловья-разбойника

Как да во лесу дремучем,
По сырым дуплам да сучьям,
И по норах по барсучьим
Мы скучаем да канючим.

Так зачем сидим мы сиднем,
Скуку да тоску наводим?
Ну-кася, ребята, выйдем,
Весело поколобродим!

Мы – ребята битые,
Тёртые, учёные.
Во болотах мытые,
В омутах мочёные.

Как да во лесу дремучем
Что-нибудь да отчебучим,
Добра молодца прищучим,
Защекочем и замучим!

Воду во реке замути́м.
На кустах костей навесим,
Пакостных шути́х нашути́м,
Весело покуролесим!

Водяные, лешие,
Души забубённые!
Ваше дело – пешие,
Наше дело – конные.

Первый Соловей в округе –
Я гуляю бесшабашно.
У меня такие слуги,
Что и самому мне страшно.

К оборотням не привыкну –
До того хитры ребята!
Да и сам я свистну, гикну –
Аж душа уходит в пятки!

Не боюсь тоски-муры,
Если есть русалочки!
Выходи, кикиморы,
Поиграем в салочки!

Ты не жди, купец, подмоги –
Мы из чащи повылазим
Да и на большой дороге
Вволюшку побезобразим!

Ну-ка, рукава засучим,
Путника во тьме прижучим,
Свалим – и в песке зыбучем
Пропесочим и прищучим!

Зря на нас клеветаете,
Умники речистые!
Не сродни мы нечисти,
Наша совесть чистая.

1974

Серенада Соловья-разбойника

Выходи! Я тебе посвищу серенаду.
Кто тебе серенаду еще посвистит?
Сутки кряду могу – до упаду, –
Если муза меня посетит.

Я пока ещё только шутю и шалю –
Я пока на себя не похож:
Я обиду терплю, но когда я вспылю –
Я дворец подпилю, подпалю, развалю, –
Если ты на балкон не придёшь!

Ты отвечай мне прямо-откровенно –
Разбойничью душу не трави!..
О, выйди, выйди, выйди, Аграфена,
Послушай серенаду о любви!

Ей-ей-ей, трали-вали!
Кабы красна девица жила в полуподвале,
Я б тогда на корточки
Приседал у форточки, –
Мы бы до утра проворковали!

Во лесных кладовых моих - уйма товара,
Два уютных дупла, три пенёчка гнилых...
Чем же я тебе, Груня, не пара,
Чем я, Феня, тебе не жених?!

Так тебя я люблю, что ночами не сплю,
Сохну с горя у всех на виду.
Вот и голос сорвал - и хриплю, и сиплю.
Ох, я дров нарублю - я себя погублю, -
Но тебя я украду, уведу!

Я женихов твоих - через колено!
Я папе твоему попорчу кровь!
О, выйди, выйди, выйди, Аграфена, -
О не губи разбойничью любовь!

Ей-ей-ей, трали-вали!
Кабы красна девица жила в полуподвале,
Я б тогда на корточки
Приседал у форточки, -
Мы бы до утра проворковали!

1974

х х х

Если в этот скорбный час
спустим рукава -
Соловей освищет нас
И пойдёт молва:

Дескать, силой царский трон
всё скудней,
Ел, мол, мало каши он,
Евстигней.

Торопись указ зачесть,
изданный не зря!
Кто заступится за честь
батюшки-царя,

Кто разбойника уймёт -
Соловья, -
К государю попадёт
в сыновья!

Если кровь у кого горяча, -
Саблей бей, пикой лихо коли!
Царь дарует вам шубу с плеча -
Из естественной выхуоли!

Сей указ - без обману-коварства:
За печатью, как в сказке, точь-в-точь.
В бой - за восемь шестнадцатых царства,
Да за целую царскую дочь!

1974

Солдатская песня

I. Походная

Ну чем же мы, солдатушки, повинны,
Что наши пушки не зачехлены?!
Пока враги не бросили дубины, -
Не обойтись без драки и войны.

Я бы пушки и мортиры
Никогда не заряжал,
Не ходил бы даже в тиры, -
Детям ёлки наряжал.

«Напра!.. Нале!..
В ружьё! На пле!..
Бегом в расположение!»
А я пою:
Ать-два, ать-два,
И горе - не беда.
Хоть тяжело в учении -
Легко в бою!

Раззудись, плечо, если наших бьют!
Сбитых, сваленных - оттаскивай!
Я пред боем - тих, я в атаке - лют,
Ну, а после боя - ласковый!

1974

II. Грустная

На голом на плацу, на вахтпараде,
В казарме, на часах - все дни подряд
Безвестный, не представленный к награде,
Справляет службу ратную солдат.

И какие бы ни дули
Ураганные ветра,
Он - в дозоре, в карауле
От утра и до утра.

«Напра, нале!..
В ружье! На пле!..
Бегом в расположение!»
А я пою:
Ать-два, ать-два,
Живём мы снова,
А тяжело в учении -
Легко в бою!

Если ломит враг - бабы слёзы льют,
Ядра к пушечкам подтаскивай!
Я пред боем - тих, я в атаке - лют,
Ну а после боя - ласковый.

1974

Слава солдату

Ни пуха ни пера!
Всеобщее ура!
Виват! Виват! Виват!
Да здравствует солдат!

Геройский совершил
 поступочек!
Корону защитил,
 заступничек!

От нашего жилья
Спровадил Соловья, -
Над нами хулиган не властвует!
Из бедного житья -
да в царские зятья!
Да здоровствует солдат! Да здоровствует!

Виват! Виват! Виват!
Да здравствуєт солдат

1974

Куплеты кассира и казначея

Мы не тратим из казны
Ни копейки просто, —
Это с нашей стороны —
Чистое геройство.

Ежедневно, так сказать,
Совершаем подвиг.
А могли бы хватать-похватывать
По копейке - по две.

Но подвиг не принёс
Награды или mzды -
Нам платят с гулькин нос
За праведны труды.

Ах, как бы нам помог
Грабёж или налёт!
Глядишь - да под шумок
И нам перепадёт!

1974

Куплеты нечистой силы

- Я - Баба-Яга,
вот и вся недолга,
Я езжу в немазаной ступе.
Я к русскому духу не очень строга:
Люблю его... сваренным в супе.

Ох, надоело по лесу гонять,
Зелье я переварила...
Нет, что-то стала совсем изменять
Наша нечистая сила!

- Добрый день! Добрый день!
Я так Оборотень!

Неловко вчерась обернулся:
Хотел превратиться в дырявый плетень,
Да вот посередке запнулся.

Кто я теперь - самому не понять, -
Эк меня, братцы, скривило!..
Нет, что-то стала совсем изменять
Наша нечистая сила!

- Я - старый больной
озорной Водяной,
Но мне надоела квартира:
Лежу под корягой, простуженный, злой,
А в омуте - мокро и сыро.

Видю намердны - утопленник. Хвать!
А он меня - пяткой по рылу!..
Нет, перестали совсем уважать
Нашу нечистую силу!

- Такие дела:
Лешаиха со зла,
Лишив меня лешешевелюры,
Вчера из дупла на мороз прогнала -
У ней с Водяным шуры-муры.

Со свету стали совсем изживать -
Прост-таки гонят в могилу...
Нет, перестали совсем уважать
Нашу нечистую силу!

1974

Солдат и привидение

Во груди душа словно ёрзает,
Сердце в ней горит будто свечка.
И в судьбе - как в ружье: то затвор заест,
То в плечо отдаст, то - осечка.
Ах ты, долюшка несчастливая, -
Воля царская - несправедливая!

Я - привидение,
Я - призрак, но
Я от сидения
Давно больно.
Темница тесная,
Везде сквозит, -
Хоть бестелесное,
А всё ж - знобит.

Может, кто-нибудь обидится,
Но я, право, не шучу:
Испугать, в углу привидеться -
Совершенно не хочу.

Жаль, что вдруг тебя казнят, -
Ты с душой хорошею.
Можешь запросто, солдат,
Звать меня Тимошею.

1974

Песня Марьи

Отчего не бросилась, Марьюшка, в реку ты,
Что же не замолкла-то навсегда ты,
Как забрали милого в рекруты, в рекруты,
Как ушёл твой суженый во солдаты?!

Я слезами горькими горницу вымою
И на годы долгие дверь закрою,
Наклонюсь над озером ивою, ивою -
Высмотрю, как в зеркале, - что с тобою.

Травушка-муравушка - сочная, мятная -
Без тебя ломается, ветры дуют...
Долюшка солдатская - ратная, ратная:
Что, как пули грудь твою не минуют?!

Тропочку глубокую протопчу по полю
И венок свой свадебный впрок совью,
Длинну косу девичью - до полу, до полу -
Сберегу для милого - с проседью.

Вот возьмут кольцо мое с белого блюдица,
Хоровод завертится грустно в нём, -
Пусть мое гадание сбудется, сбудется:
Пусть вернётся суженый вешним днём!

Пой как прежде весело, идучи к дому, ты,
Тихим словом ласковым утешай.
А жисьё невестино - омуты, омуты...
Дождает Марьюшка - поспешай!

1974

Иван да Марья

Не сдержать меня уговорами.
Верю свято я не в него ли?
Пусть над ним кружат чёрны вороны,
Но он дорог мне и в неволе.

Пели веку испокон,
Да прослышала сама я,
Как в году невесть каком
Стали вдруг одним цветком
Два цветка Иван да Марья

1974

Частушки

Подходи, народ, смелее -
Слушай, переспрашивай!
Мы споём про Евстигнея -
Государя нашего.

Вы себе представьте сцену,
Как папаша Евстигней
Дочь - царевну Аграфену
Хочет сплавить поскорей.

Но не получается -

Как-то ехал царь из леса,
Весело, спокойненько, -
Вдруг услышал свист, балбес,
Соловья-разбойника.

Надо с этим бой начать,
А то начнёт разбойничать!

ЕДИНСТВЕННАЯ ДОРОГА 1974 (1975)

Я играю одного из этих окованных шоферов. Роль у меня совсем без слов, но зато с песнями. Я под это дело съездил в Югославию, снимали мы, значит, в Черногории, в очень интересных местах. Я написал там стихи о черногорцах, потому что мне лавры Пушкина не давали покоя... (1974)

В тиши перевала, где скалы ветрам не помеха, помеха
На кручах таких, на какие никто не проник,
Жило-поживало весёлое горное,

Когда одиночество комом подкатит под горло, под горло
И сдавленный стон еле слышно в обрыв упадёт, –
Крик этот о помощи эхо подхватит,

Должно быть, не люди, напившись дурмана и зелья, и зелья
Чтоб не был услышан никем громкий топот и храп, -
Пришли умертвить, обеззвучить живое,

Всю ночь продолжалась кровавая злая потеха, потеха. И эхо топтали, но звука никто не слышал. К утру расстреляли притихшее горное,

1974

Песня Солодова

В дорогу – живо! Или – в гроб ложись.
Да! Выбор небогатый перед нами.
Нас обрекли на медленную жизнь –
Мы к ней для верности прикованы цепями.

А кое-кто поверил второпях –
Поверил без оглядки, бестолково.
Но разве это жизнь – когда в цепях?
Но разве это выбор – если скован?

Коварна нам оказанная милость –
Как зелье полоумных ворожих:
Смерть от своих – за камнем притаилась,
И сзади – тоже смерть, но от чужих.

Душа застыла, тело затекло,
И мы молчим, как подставные пешки,
А в лобовое грязное стекло
Глядит и скалится позор в кривой усмешке.

И если бы оковы разломать –
Тогда бы мы и горло перегрызли
Тому, кто догадался приковать
Нас узами цепей к хваленной жизни.

Неужто мы надеемся на что-то?!
А может быть, нам цель не по зубам?
Зачем стучимся в райские ворота
Костяшками по кованным скобам?

Нам предложили выход из войны,
Но вот какую заломили цену:
Мы к долгой жизни приговорены
Через вину, через позор, через измену!

Но стоит ли и жизнь такой цены?!
Дорога не окончена! Спокойно! –
И в стороне от той, большой, войны
Еще возможно умереть достойно.

И рано нас равнять с болотной слизью –
Мы гнёзд себе на гнили не совьём!
Мы не умрём мучительною жизнью –
Мы лучше верной смертью оживём!

1973

х х х

Если где-то в чужой, беспокойной ночи
Ты споткнулся и ходишь по краю –
Не таись, не молчи, до меня докричи, –
Я твой голос услышу, узнаю.

Может, с пулей в груди ты лежишь в спелой ржи –
Потерпи! – я спешу, и усталости ноги не чувствую.
Мы вернёмся туда, где и воздух, и травы врачуют,
Только ты не умри, только кровь удержи.

Если ж конь под тобой - ты домчи, доскачи, -
Конь дорогу отыщет, буланый,
В те края, где всегда бьют живые ключи,
И они исцелят твои раны.

Где же ты? - взаперти или в долгом пути,
На развилках каких, перепутьях и перекрёстках?
Может быть, ты устал, приуныл, заблудился в трёх соснах -
И не можешь обратно дорогу найти?

Здесь такой чистоты из-под снега ручьи -
Не найдёшь, не придумаешь краше.
Здесь цветы, и кусты, и деревья - ничьи.
Стоит нам захотеть - будут наши.

Если трудно идёшь, по колени в грязи,
Да по острым камням, босиком по воде по студёной,
Пропылённый, обветренный, дымный, огнем опалённый -
Хоть какой, - доберись, добреди, доползи!

1974

ОДИНОЖДЫ ОДИН 1974 (1975)

...Я огорчён только тем, что снова мы не работаем вместе. Я всё подстроил под это, но се ля ви... Комит е т о сильнее нас. Уже я перестроился. Но в следующий раз мы ещё повоюем.

Впрочем - песни-то мы успели всобачить. Кстати про песни /.../

Студенческую песню нужно начинать как бравый, хвастливый, верноподданнический марш, а потом переходить на нечто туристское, а в конце и на вагонно-блатное под чистые гитары. Но мелодию не менять. Хорошо бы, если бы они ещё в это время курили, да и выпить не грех, а Ваня чтобы подпел: «Зато нас на равнине не сломаешь»...

Из письма Г.Полоке, 1974 г.

Песня Вани у Марии

Я полмира почти через злые бои
Прошагал и прополз с батальоном,
А обратно меня за заслуги мои
С санитарным везли эшелонам.

Подвезли на родимый порог, -
На полуторке к самому дому.
Я стоял - и немел, а над крышей дымок
Поднимался не так - по-другому.

Окна словно боялись в глаза мне взглянуть.
И хозяйка не рада солдату -
Не припала в слезах на могучую грудь,
А руками всплеснула - и в хату.

И залаляли псы на цепях.
Я шагнул в полутёмные сени,
За чужое за что-то запнулся в сенях,
Дверь рванул - подкосились колени.

Там сидел за столом, да на месте моём,
Неприветливый новый хозяин.
И фуфайка на нём, и хозяйка при нём, -

Потому я и псами облаян.

Это значит, пока под огнём
Я спешил, ни минуты не весел,
Он все вещи в дому переставил моём
И по-своему всё перевесил.

Мы ходили под богом – под богом войны,
Артиллерия нас накрывала,
Но смертельная рана зашла со спины
И изменою в сердце застряла.

Я себя в пояснице согнул,
Силу воли позвал на подмогу:
«Извините, товарищи, что завернул
По ошибке к чужому порогу».

Дескать, мир да любовь вам, да хлеба на стол,
Чтоб согласие по дому ходило...
Ну а он – даже ухом в ответ не повёл,
Вроде так и положено было.

Зашатался некрашенный пол,
Я не хлопнул дверьми, как когда-то, –
Только окна раскрылись, когда я ушёл,
И взглянули мне вслед виновато.

1974

Песня о чёрном и белом лебедях

Ах! В поднебесье летал
Лебедь чёрный, молодой да проворный.
Ах! Да от лёта устал,
Одинокий, да смелый, да гордый.
Ах! Да снижаться он стал
С высоты со своей лебединой.
Ах! Два крыла распластал –
Нет уж сил и на взмах на единый.

Ай не зря гармонь пиликает –
Ваня песенку мурлыкает
С уваженьем да почтеньем,
Да, конечно, со значеньем.

Ах! На крутом берегу,
Словно снег среди лета, не тая.
Ах! На залётном лугу –
Лебединая белая стая.
Ах! Да не зря он кружил,
Да и снизился не понапрасну.
Ах! Он от стаи отбил
Лебедь белую – самую прекрасну.

Ай вы, добры люди-граждане,
Вы б лебёдушку уважили –
Затянули бы протяжную
Про красу её лебяжую.

Ох! Да и слов не сыскать,
Вон и голос дрожит неумелый.
Ох! Другу дружка под стать –

Лебедь чёрный да лебеди белой.
Ах! Собралися в полёт
Оба-двое крылатые вместе.
Ах! Расступися, народ,
Поклонись жениху и невесте!

Ай спасибо, люди-граждане,
Что невестушку уважили,
Жениха не забываете
Да обоих привечаете!

1974

Величальная отцу

Ай не стойте в гордыне,
Подходите к крыльцу.
А и вы, молодые,
Поклонитесь отцу!

Он - сердитый да строгий:
Как сподобья взглянёт,
Так вы падайте в ноги -
Может, он отойдёт.

Вам отцу поклониться -
Тоже труд небольшой, -
Он лицом просветлится,
Помягчает душой.

Вы с того начинайте,
И потом до конца,
Во всю жизнь привечайте
Дорогого отца!

1974

Частушки к свадьбе

Не стрызть меня -
Невеста я!
Эх, жизнь моя
Интересная!

Кружи-ворожи,
Кто стесняется?
Подол придержи -
Подымается!

И в девках мне
Было весело,
А всё ж любовь
Перевесила!

Кружи-ворожи,
Кто стесняется?
Подол придержи -
Подымается!

Сноха лиха

Да и кума лихая
Учат жить меня,
А я сама такая!

1974

Студенческая песня

Кто старше нас на четверть века, тот
Уже постиг и близости и дали,
Им повезло - и кровь, и дым, и пот
Они понюхали, хлебнули, повидали,-
Прошли через бригаду или взвод.

И ехали в теплушках - не в тепле -
На стройки, на фронты и на рабфаки.
Они ходили в люди по земле
И в штыковые жёсткие атаки.

То время эшелонное прошло -
В плацкартах едем, травим анекдоты...
Мы не ходили - шашки наголо,
В отчаянье не падали на доты!

И все-таки традиция живёт:
Взяты не все вершины и преграды -
Не потому ли летом каждый год
Идём в студенческие наши стройотряды
И сверх программы мы сдаём зачёт.

Песок в глазах, в одежде и в зубах -
Мы против ветра держим путь на тракте,
На дивногорских каменных столбах
Хребты себе ломаем и характер.

Мы гнёмся в три погибели - ну, что ж,
Такой уж ветер... Только, друг, ты знаешь -
Зато ничем нас после не согнёшь,
Зато нас на равнине не сломаешь!

1974

Частушки

Гули-гули-гуленьки,
Девоньки-девуленьки!
Вы оставьте мне на память
В сердце загогулилки.

Не гляди, что я сердит:
По тебе же сохну-то!
Я не с фронта инвалид,
Я - любовью трёкнутый.

Выходите к Ванечке,
Манечки-матанечки!
Что стоите, как старушки, -
Божьи одуванчики?

Милый мой - каменотёс,

Сильный он да ласковый,
Он мне с Англии привёз
Лифчик пенопластовый.

Здесь мода отстаёт.
Вот у нас в Австралии,
Очень в моде в этот год
В три обхвата талии.

Уж не знаю я, как тут,
А, к примеру, в Дании
Девоч в ЗАГСы волокут
При втором свидании.

Я не знаю, как у вас,
А у нас во Франции
Замуж можно десять раз -
Всё без регистрации.

Ох! Табань, табань, табань,
А то в берег врежемся.
Не вставай в такую рань,
Давай еще понежимся!

Без ушка - иголочка,
Оля! Ольга, Олечка,
Поднеси-ка инвалиду
Столько, да полстолечка.

На пути, на перепутье
Молодую сватал дед,
Сперва думали, что шутит,
Оказалось, что нет.

Мой миленок всё допил
Дочиста и допьяна,
Потому и наступил
В мире кризис топливный.

Ты не вой, не ной, не ной -
Этот кризис нефтяной,
Надо больше опасаться,
Что наступит спиртовой!

Гляну я - одна семья
На таком воскреснике:
Все друг другу кумовья,
Али даже крестники.

1974

Грустная песня о Ванечке

Зря ты, Ванечка, бредёшь
Вдоль оврага.
На пути - каменя сплошь,
Резвы ножки обождёшь,
Бедолага!

Тело в эдакой ходьбе
Ты измучил,
А и, кажется, себе

Сам наскучил.

Стал на беглого похож
Аль на странничка.
Может, сядешь, отдохнёшь,
Ваня-Ванечка?!
Ваня!

Что, Ванюша, путь трудней?
Хворь напала?
Вьётся тропка меж корней,
До конца пройти по ней -
Жизни мало.

Славно, коль судьбу узнал
Распрекрасну,-
Ну а вдруг коней загнал
Понапрасну?!

Али вольное житьё
Слаще пряничка?
Ах ты, горюшко моё,
Ваня-Ванечка!
Ваня!

Ходят слухи, будто сник
Да бедуешь,
Кудри сбросил - как без них? -
Сыт ли ты, или привык -
Голодуешь!

Хорошо ли бобылём
Да без крова?
Это, Ваня, непутём, -
Непутёво!

Горемычный мой, дошёл
Ты до краюшка!
Тополь твой уже отцвёл,
Ваня-Ванюшка!
Ваня!

1974

Песня Вани перед студентами

Эх, недаром говорится:
Мастер дала не боится,
Пусть боится дело это
Ваню - мастера паркета.

Не берись, коль не умеешь,
Не умеючи - не трожь,
Не подмажешь - не поедешь,
А подмажешь - упадёшь!

Даже в этой пятилетке
На полу играют детки, -
Проливают детки слёзы
От какой-нибудь занозы.

Пусть елозят наши дети,

Пусть играют в юлу
На натёртом на паркете -
На надраенном полу.

Говорят, забудут скоро
Люди званье полотёра, -
В наше время это мненье -
Роковое заблуждение.

Посреди родной эпохи
Ты на щётках попляши, -
С женским полом шулки плохи,
А с натёртым - хороши!

1974

ЕДИНСТВЕННАЯ 1975

Я, вероятно, буду сниматься сейчас у Иосифа Ефимовича Хейфица в картине «Мечта о Тихом океане». Необыкновенно интересный сценарий по повести Нилина «Дурь», вы может быть, её знаете. Главную роль играет Золотухин, а я играю там небольшую роль, но опять же буду там исполнять свои песни. (1974)

Очи чёрные

I. Погоня

Во хмелю слегка лесом правил я.
Не устал пока, - пел за здравие.
А умел я петь песни вздорные:
«Как любил я вас, очи чёрные...»

То плелись, то неслись, то трусили рысцой.
И болотную слизь конь швырял мне в лицо.
Только я проглочу вместе с грязью слюну,
Штоф у горла скручу - и опять затяну:

«Очи чёрные! Как любил я вас...»
Но - прикончил я то, что впрок припас.
Головой тряхнул, чтоб слетела блажь,
И вокруг взглянул - и присвистнул аж:

Лес стеной впереди - не пускает стена, -
Кони прядут ушами, назад подают.
Где просвет, где прогал - не видать ни рожна!
Колют иглы меня, до костей достают.

Коренной ты мой, выручай же, брат!
Ты куда, родной, - почему назад?!
Дождь - как яд с ветвей - недобром пропах.
Пристяжной моей волк нырнул под пах.

Вот же пьяный дурак, вот же налил глаза!
Ведь погибель пришла, а бежать - не сумеешь, -
Из колоды моей утащили туза,
Да такого туза, без которого - смерть!

Я ору волкам: «Побери вас прах!..» -
А коней пока подгоняет страх.
Шевелю кнутом - бью кручёные

И ору притом: «Очи чёрные!..»

Храп, да топот, да лязг, да лихой перепляс -
Бубенцы плясовую играют с дуги.
Ах вы кони мои, потугблю же я вас, -
Выносите, друзья, выносите, враги!

От погони той даже хмель иссяк.
Мы на кряж крутой - на одних осях,
В хлопьях пены мы - струи в кряж лились, -
Отдыхались, отхрипели да откашлились.

Я лошадам забитым, что не подвели,
Поклонился в копыта, до самой земли,
Сбросил с воза манатки, повёл в поводу...
Спаси бог вас, лошадки, что целым иду!

II. Старый дом

Что за дом притих, погружён во мрак,
На семи лихих продувных ветрах,
Всеми окнами обратясь в овраг,
А воротами - на проезжий тракт?

Ох, устал я, устал, - а лошадок распряг.
Эй, живой кто-нибудь, выходи, помощи!
Никого, - только тень промелькнула в сенях,
Да стервятник спустился и сузил круги.

В дом заходишь как всё равно в кабак,
А народишко - каждый третий - враг.
Своротят скулу, гость непрошенный!
Образа в углу - и те перекошены.

И затеялся смутный, чудной разговор,
Кто-то песню стонал и гитару терзал,
И припадочный малый - придурок и вор -
Мне тайком из-под скатерти нож показал.

«Кто ответит мне - что за дом такой,
Почему - во тьме, как барак чумной?
Свет лампад погас, воздух вылился...
Али жить у вас разучились?»

Двери настезь у вас, а душа взаперти.
Кто хозяином здесь? - напоил бы вином». -
А в ответ мне: «Видать, был ты долго в пути -
И людей позабыл, - мы всегда так живем!»

Траву кушаем, век - на щавеле,
Скисли душами, опрыщавели,
Да еще вином много тешились, -
Разоряли дом, дрались, вешались».

«Я коней заморил, - от волков ускакал.
Укажите мне край, где светло от лампад.
Укажите мне место, какое искал, -
Где поют, а не стонут, где пол не покат».

«О таких домах не слыхали мы,
Долго жить впотьмах привыкали мы.
Испокону мы - в зле да шёпоте,

Под иконами в чёрной копоти».

И из смрада, где косо висят образа,
Я, башку очертя гнал, забросивши кнут,
Куда кони несли да глядели глаза,
И где люди живут, и – как люди живут.

...Сколько кануло, сколько схлынуло!
Жизнь кидала меня – не докинула.
Может, спел про вас неумело я,
Очи чёрные, скатерть белая?!

1974

БЕГСТВО МИСТЕРА МАК-КИНЛИ 1975

В этот фильм я был приглашён на роль уличного певца, которой не было у автора. Это полуфантастическая история про бегство из этой жизни в сальваторий, куда за большие деньги продают места, а через много сотен лет оживляют. И герой этого фильма всё время старается попасть туда, но денег у него нету. Я написал туда девять баллад, написал на них музыку, записали мы их с оркестром, на них должно было идти действие. Поту пролил, думаю, больше, чем на всём остальном, потому что, во-первых, это не про н а с, а я никогда про н и х не писал ничего; во-вторых, это не про наше время, а – про где-то в будущем, что совсем было для меня невероятно. Поэтому я просто исключил обстановку и время и стал писать просто какие-то общечеловеческие песни.

В результате действие фильма получилось раздумчивым, медлительным, даже скучноватым, а баллады – они про другое немножко, их все вырезали и оставили – полторы. Или они не вписались в картину или кому-то показались негодными... (1975 – 1976)

Баллада о маленьком человеке

Погода славная,
А это главное.
И мне на ум пришла идея презабавная,
Но не о Господе
И не о космосе –
Все эти новости уже обрыдли до смерти.

Сказку, миф, фантасмагорию
Пропою вам с хором ли, один ли.
Слушайте забавную историю
Некоего мистера Мак-Кинли, –

Не супермена, не ковбоя, не хавбека,
А просто маленького, просто человека.

Кто он такой – герой ли, сукин сын ли –
Наш симпатичный господин Мак-Кинли?
Валяйте выводы, составьте мнение
В конце рассказа в меру разумения.

Ну что, договорились? Если так –
Привет! Буэнос диас! Гутен таг!

Ночуешь в спаленках
В обоях аленьких
И телевиденье глядишь для самых маленьких.
С утра полчаса
Займёт гимнастика –
Прыжки, гримасы, отжимание от пластика.

И трясёшься ты в автобусе,
На педали жмёшь, гремя костями,
Сколько вас на нашем тесном глобусе
Весело работает локтями!

Как наркоманы – кокаин, и как больные,
В заторах нюхаешь ты газы выхлопные.

Но строен ты – от суеты худеют,
Бодреют духом, телом здоровеют.
Через собратьев ты переступаешь,
Но успеваешь, всё же успеваешь

Знакомым отрызнуться на ходу:
«Салют! День добрый! Хау ду ю ду!»

Для созидания
В коробки-здания
Ты заползаешь, как в загоны на заклятие.
В поту и рвении,
В самозабвении
Ты создаёшь – творишь и рушишь в озарении.

Люди, власти не имущие!
Кто-то вас со злого перепою,
Маленькие, но и всемогущие, –
Окрестил безликою толпою!

Будь вы на поле, у станка, в конторе, в классе,
Но вы причислены к какой-то серой массе.

И в перерыв – в час подлинной свободы –
Вы наскоро жуёте бутерброды.
Что ж, эти сэндвичи – предметы сбыта.
Итак, приятного вам аппетита!

Нелёгкий век стоит перед тобой,
И всё же – гутен морген, дорогой!

Дела семейные,
Платки нашейные,
И пояса, и чудеса галантерейные...
Жена ласкается,
Цена кусается,
Махнуть рукою – да рука не поднимается!

Цену вежливо и тоненько
Пропищит волшебник-трикотажник.
Ты с невозмутимостью покойника
Наизнанку вывернешь бумажник.

Все ваши будни, да и праздники – морозны.
И вы с женою как на кладбище серьёзны.

С холодных стен – с огромного плаката
На вас глядят весёлые ребята,
И улыбаются во всех витринах
Отцы семейств в штанах и лимузинах.

Откормленные люди на щитах
Приветствуют по-братски: «Гутен таг!»

Откуда денежка?

Куда ты денешься?
Тебе полвека, друг, а ты ещё надеешься!
Не жди от ближнего,
Моли Всевышнего –
Уж Он тебе всегда пошлёт ребенка лишнего!

Трое, четверо и шестеро...
Вы, конечно, любите сыночков!
Мировое детское нашествие
Бестий, сорванцов и ангелочков.

Ты улыбаешься обложкам и нарядам,
Ты твёрдо веришь: удивительное – рядом!

Не верь, старик, что мы за все в ответе,
Что дети где-то гибнут, – те, не эти.
Чуть-чуть задуматься – хоть вниз с обрыва!
А жить-то надо, надо жить красиво.

Передохни, расслабься. Перекур!
Гуд дэй, дружище! Пламенный бонжур!

Ах, люди странные,
Пустокарманные,
Вы – постоянные клиенты ресторанные,
Мошны бездонные,
Стомиллионные
Вы наполняете – вы, толпы стадионные.

И ничто без вас не крутится:
Армии, правительства и судьи, –
Но у сильных в горле, словно устрицы,
Вы скользите, маленькие люди.

И так о маленьком пекутся человеку,
Что забывают лишний ноль вписать на чеке.

Ваш кандидат – а в прошлом он лабазник –
Вам иногда устраивает праздник.
И не безлики вы, и вы – не тени,
Коль надо бросить в урны бюллетени.

А «маленький» – дурацкое словцо,
Кто скажет так – ты плюнь ему в лицо.
Пусть это слово будет не в ходу.
Привет, Мак-Кинли, хау ду ю ду!

1973

Баллада о Кокильоне

Жил-был
учитель скромный Кокильон.
Любил
наукой баловаться он.

Земной поклон за то, что он
Был в химию влюблён,
И по ночам
над чем-то там
Химичил Кокильон.

Но, мученик науки гоним и обездолен,

Всегда в глазах толпы он – алхимик-шарлатан, –
И из любимой школы в два счёта был уволен,
Верней, в три шеи выгнан непонятый титан...

Титан
лабораторию держал
И там
он в муках истину рожал.

За просто так – не за мильон,
В двухсуточный бульон
Швырнуть сумел
всё, что имел,
Великий Кокильон.

Да мы бы забросали камнями Ньютона,
Мы б за такое дело измазали в смоле!
Но случай не позволил плевать на Кокильона, –
Однажды в адской смеси заквасилось желе.

Бульон
изобретателя потряс.
Был он –
ничто: не жидкость и не газ.

И был смущён и потрясён,
И даже удивлён:
«Эге! Ха-ха!
О эврика!» –
Воскликнул Кокильон.

Три дня он развлекался игрой на пианино,
На самом дне в сухом вине он истину искал...
Вдруг произнёс он внятно: «Какая чертовщина!...»
И твёрдую походкою он к дому зашагал.

Он днём
был склонен к мыслям и мечтам,
Но в нём
кипели страсти по ночам.

И вот, на поиск устремлён,
Мечтой испепелён,
В один момент
в эксперимент
Включился Кокильон.

Душа его просила, и плоть его хотела
До истины добраться, до цели и до дна, –
Проверить состояние таинственного тела,
Узнать, что он такое: оно или она?

Но был
в великом опыте изъян –
Забыл
фанатик намертво про кран.

В погоне за открытием он
Был слишком воспалён –
И миг настал,
когда нажал
На крантик Кокильон.

И закричал безумный: «Да это же коллоид!

Не жидкость это, братцы, - коллоидальный газ!»
Вот так, блеснув в науке, - как в небе астероид -
Взорвался - и в шипенье безвременно угас.

И вот -
Народ так в этом газе и лежит,
его открытием дорожит.

Но он не мёртв - он усыплён,
Разбужен будет он
Через века.
Дремли пока,
Великий Кокильон!

А мы, склонив колени, глядим благоговеино,
Таких, как он, немного - четыре на миллион!
Возьмём, Ньютона, Бора и старика Эйнштейна,
Раз-два, да и обчёлся - четвёртый - Кокильон.

1973

Прерванный полёт

Кто-то высмотрел плод, что неспел,
Потрусили за ствол - он упал...
Вот вам песня о том, кто не спел,
И что голос имел - не узнал.

Может, были с судьбой нелады
И со случаем плохи дела,
А тугая струна на лады
С незаметным изъяном легла.

Он начал робко - с ноты «до»,
Но не допел ее не до...

Не дозвучал его аккорд
И никого не вдохновил...
Собака лаяла, а кот
Мышей ловил...

Смешно! Не правда ли, смешно!
А он шутил - недошутил,
Недораспробовал вино
И даже недопригубил.

Он пока лишь затеивал спор,
Неуверенно и не спеша,
Словно капельки пота из пор,
Из-под кожи сочилась душа.

Только начал дуэль на ковре,
Еле-еле, едва приступил.
Лишь чуть-чуть осмотрелся в игре,
И судья ещё счёт не открыл.

Он хотел знать всё от и до,
Но не добрался он, не до...

Ни до догадки, ни до дна,
Не докопался до глубин,

И ту, которая одна, -
Не долюбил.

Смешно, не правда ли, смешно!
А он спешил - недоспешил?
Осталось недорешено,
Всё то, что он недорешил.

Ни единою буквой не лгу -
Он был чистого слога слуга,
И писал ей стихи на снегу...
К сожалению, тают снега!

Но тогда ещё был снегопад
И свобода писать на снегу.
И большие снежинки, и град
Он губами хватал на бегу.

Но к ней в серебряном ландо
Он не добрался и не до...

Не добежал бегун, беглец,
Не долетел, не доскакал,
А звёздный знак его - Телец -
Холодный Млечный Путь лакал.

Смешно, не правда ли, смешно,
Когда секунд недостаёт, -
Недостающее звено -
И недолёт, и недолёт.

Смешно, не правда ли? Ну, вот, -
И вам смешно, и даже мне.
Конь на скаку и птица влёт, -
По чьей вине, по чьей вине?

1973

Марш футбольной команды «Медведей»

Когда лакают
Святые свой нектар и шерри-бренди -
И валяются на травку и под стол, -
Тогда играют
Никем непобедимые «Медведи»
В кровавый, дикий, подлинный футбол.

В тиски медвежие
Попасть к нам - не резон,
Но те же наши лапы - нежные
Для наших милых девочек и жён.

Нам выпадает карта -
От травмы до инфаркта.
Но выпадает карта -
Мы - ангелы азарта!

Вперёд, к победе!
Соперники растоптаны и жалки, -
Мы проучили, воспитали их.
Но вот «Медведи»
Приобретают свежие фиалки
И навещают в госпитале их.

Тиски медвежие
Не выдержит иной,
Но, в общем, мы – ребята нежные
С пробитой, но светлой головой.

Нам выпадает карта –
От травмы до инфаркта.
Но выпадает карта –
Мы – ангелы азарта!

А нам забили, –
Не унывают смелые «Медведи»,
Они не знают на поле проблем.
А на могиле
Все наши Мэри, Дороти и Сэди
Потоки слёз прольют в помятый шлем.

В тиски медвежие
К нам попадёт любой,
А впрочем, мы – ребята нежные
С травмированной детской душой.

Нам выпадает карта –
От травмы до инфаркта.
Мы ожидаем фарта,
Мы – ангелы азарта!

И пусть святые
Пресытившись едой и женским полом,
На настоящих идиолов глядят, –
«Медведи» злые
Невероятным, бешеным футболом
Божественные взоры усладят.

Тиски медвежие
Смыкаются, визжат.
Спасите наши души нежные,
Нетронутые души медвежат!

1973

Люди и манекены

Семь дней усталый старый Бог
В запале, в зашоре, в запаре
Творил убогий наш лубок
И каждой твари – по паре.

Ему творить – потеха,
И вот себе взамен
Бог создал человека,
Как пробный манекен.

Идея эта не нова,
Но не обхаяна никем –
Я докажу как дважды два:
Адам – был первый манекен.

А мы – ошмётки хромосом,
Огрызки божественных генов –
Идём проторённым путём

И создаём манекенов.

Лишённые надежды
Без мук родить – живых,
Рядим в свои одежды
Бездушных кукол восковых.

Ругать меня повремени,
А оглянись по сторонам:
Хоть нам подобные они,
Но не живут подобно нам.

Твой нос расплюснут на стекле,
Глазеешь – и ломит в затылке...
А там сидят они в тепле
И скалят зубы в ухмылке.

Вон тот кретин в халате
Смеётся над тобой:
Мол, жив ещё, приятель!
Доволен ли судьбой?

Гляди – красotka! Чем плоха? –
Загар и патлы до колен.
Её – закутанный в меха –
Ласкает томный манекен.

Их жизнь и вправду хороша:
Их холят, лелеют и греют.
Они не тратят ни гроша
И плюс к тому не стареют.

Пусть лупят по башке нам,
Толкают нас и бьют,
Но куклам-манекенам
Мы создали уют.

Они так вежливы – взгляни!
Их не волнует ни черта,
И жизнерадостны они,
И нам, безумным, – не чета.

Он никогда не одинок –
В салоне, в постели, в бильярдной, –
Невозмутимый словно йог,
Галантный и элегантный.

Хочу такого плена –
Свобода мне не впрок.
Я вместо манекена
Хочу пожить денёк!

На манекенские паи
Согласен, чёрт меня дери!
В приятный круг его семьи
Желаю, чёрт меня дери!

Я предлагаю смелый план
Возможных сезонных обменов:
Мы, люди, – в их бездушный клан,
А вместо нас – манекенов.

Но я готов поклясться,
Что где-нибудь заест, –

Они не согласятся
На перемену мест.

Из них, конечно, ни один
Нам не уступит свой уют -
Из этих солнечных витрин
Они без боя не уйдут.

Сдаётся мне - они хитрят,
И, тайно расправивши члены,
Когда живые люди спят,
Выходят в ночь манекены.

Машины выгоняют
И мчат так, что держись!
Бузят и прожигают
Свою ночную жизнь.

Такие подвиги творят,
Что мы за год не натворим,
Но возвращаются назад -
Ах, как завидую я им!

Мы скачем, скачем вверх и вниз,
Кропаем и клеим на стенах
Наш главный лозунг и девиз:
«Забота о манекенах».

Недавно был - читали? -
Налёт на магазин,
В них - сколько ни стреляли -
Не умер ни один.

Его налогом не согнуть,
Не сдвинуть повышением цен.
Счастливый путь, счастливый путь!
Будь счастлив, мистер Манекен!

Но, как индусы мы живём
Надеждою смертных и тленных,
Что если завтра мы умрём -
Воскреснем вновь в манекенах!

Так что не хнычь, ребята, -
Наш день ещё придет!
Храните, люди, свято
Весь манекенский род!

Болезни в нас обострены,
Уже не станем мы никем...
Грядёт надежда всей страны -
Здоровый, крепкий манекен!

1973

Песня Билла Сиггера

Вот это да! Вот это да!
Сквозь мрак и вечность-решето,
Из зала Страшного суда
Явилось то - не знаю что.

Играйте туш!
Быть может, он -
Умерший муж
Несчастных жён,

Больных детей
Больной отец,
Благих вестей
Шальной гонец.

Вот это да! Вот это да!
Спустился к нам - не знаем кто,-
Как снег на голову, сюда
Упал тайком - инкогнито!

Но кто же он?
Хитрец и лгун?
Или шпион,
Или колдун?

Каких дворцов
Он господин,
Каких отцов
Заблудший сын?

Вот это да! Вот это да!
И я спросил, как он рискнул -
Из ниоткуда в никуда
Перешагнул, перешагнул?

Он мне: «Внемли!» -
И я внимал,
Что он с Земли
Вчера сбежал,

Решил: Нырну
Я в гладь и тишь!»
Но в тишину
Без денег - шиш.

Мол, прошмыгну
Как мышь, как вошь, -
Но в тишину
Не прошмыгнёшь!

Вот это да! Вот это да!
Он повидал печальный край,-
В аду - бардак и лабуда,-
И он опять - в наш грешный рай.

Итак, оттуда
Он удрал,
Его Иуда
Обыграл -

И в тридцать три,
И в сто одно,
Смотри! Смотри!
Он видел дно!

Он видел ад,
Но сделал он
Свой шаг назад -
И воскресён!

Вот это да! Вот это да!
Прошу любить - играйте марш!
Мак-Кинли - маг, суперзвезда,
Мессия наш, мессия наш!

Владыка тьмы
Его отверг,
Но примем мы -
Он человек!

Душ не губил
Сей славный муж,
Самоубий-
ство - просто чушь!

Хоть это дё-
шево и враз, -
Не проведёшь
Его и нас.

Вот это да! Вот это да!
Вскричал петух, и пробил час!
Мак-Кинли - бог, суперзвезда,
Он - среди нас, он - среди нас!

Он рассудил,
Что Вечность - хлам, -
И запылил
На свалку к нам.

Он даже спьяну
Не дурил,
Марихуану
Не курил,

И мы хотим
Отдать концы,
Мы бегством мстим -
Мы - беглецы!

Вот это да! Вот это да!

1973

Мистерия хиппи

Мы рвём - и не найти концов.
Не выдаст чёрт - не съест свинья.
Мы - сыновья своих отцов,
Но блудные мы сыновья.

Приспичило и припекло -
Мы не вернёмся - видит Бог -
Ни государству под крыло,
Ни под покров, ни на порог.

Враньё -
ваше вечное усердие!
Враньё -
безупречное житьё!
Гнильё -
ваше сердце и предсердие!

Наследство - к чёрту: всё, что ваше - не моё!

К чёрту сброшена обуза,
Узы мы свели на нуль!
Нет у мамы карапуза,
Нет ни колледжа, ни вуза,
Нету крошек у папуль.

Довольно выпустили пуль -
И кое-где и кое-кто
Из наших дорогих папуль -
На всю катушку, на все сто!

Довольно тискали вы краль
От января до января.
Нам ваша скотская мораль
От фонаря - до фонаря!

Долой -
ваши песни, ваши повести!
Долой -
ваш алтарь и аналой!
Долой -
угрызенья вашей совести!
Все ваши сказки богомерзкие - долой!

Выжимайте деньги в раже,
Только стряпайте без нас
Ваши купли и продажи.
Нам до рвоты ваши даже
Умиление и экстаз.

Среди заросших пустырей
Наш дом - без стен, без крыши кров.
Мы - как изгои средь людей,
Пришельцы из других миров.

Уж лучше где-нибудь ишачь,
Чтоб потом с кровью пропотеть, -
Чем вашим воздухом дышать,
Богатством вашим богатеть.

Плевать
нам на ваши суеверия!
Кромсать
всё, что ваше! Проклинать!
Как знать,
что нам взять взамен неверия?
Но наши дети
это точно будут знать!

Прорицатели, гадалки
Напророчили бедлам.
Ну а мы уже на свалке -
В колесо фортуны палки
Ставим с горем пополам.

Так идите к нам, Мак-Кинли,
В наш разгневанный содом.
Вы и сам - не блудный сын ли?
Будет больше нас, Мак-Кинли!
Нет? Мы сами к вам придём.

Баллада об оружии

По миру люди маленькие бегают, живут себе в рассрочку, -
Плохие и хорошие, гуртом и в одиночку.

Хороших знаю хуже я - я,
У них, должно быть, - крылья!
С плохими - даже дружен я, -
Они хотят оружия,
Оружия, оружие
насилия!

Большие люди - туз и крез -
Имеют страсть к ракетам,
А маленьким - что делать без
Оружия в мире этом?

Гляди, вон тот ханыга, -
В кармане денег нет,
Но есть в кармане фига -
Взведённый пистолет.

Мечтает он об ужине
Уже с утра и днём,
А пиджачок обуженный
Топорщится на нём

И с ним пройдуся охотно я
Под вечер налегке,
Смыкая пальцы потные
На спусковом крючке.

Я - целеустремлённый, деловитый,
Подкуренный, подколотый, подпитый!

Эй, что вы на меня уставились - я вроде не калека!
Мне горло промочить - и я сойду за человека.

Сходитесь, неуклюжие,
Со мной травить баланду, -
И сразу после ужина
Спою вам про оружие,
Оружие, оружие
балладу!

Большой игрок, хоть ростом гном, -
Сражается в картишки,
Блефуют крупно в основном
Ва-банк большие шишки.

И балуются бомбою, -
У нас такого нет,
К тому ж мы - люди скромные:
Нам нужен пистолет.

И вот в кармане - купленный
Обычный пистолет
И острый, как облупленный
Знакомый всем стилет.

Снуют людишки в ужасе
По правой стороне,
А мы во всеоружасе

Мы – маленькие люди, – на обществе прореха,

Но если вы посмотрите на нас со стороны -
За узкими плечами небольшого человека
Стоят понуро, хмуро дуры - две больших войны.

«Коль тих и скромн - не убьют!» -
Всё домыслы досужие:
У нас не даром продают
Любезное оружие.

А тут ещё норд-ост подул -
Цена установилась сходная,-
У нас, благодаренье Господу,
Страна пока свободная!

Ах, эта жизнь грошовая -
Как пыль,- подуи и нет! -
Поштучная, дешёвая -
Дешевле сигарет.

И рвётся жизнь-чудачка,
Как тонкий волосок,-
Одно нажать пальчика
На спусковой крючок!

Пока легка покупка - мы все в порядке с вами.
Нам жизнь отнять,- как плюнуть,- нас учили воевать!
Кругом - и без войны - война, а с голыми руками -
Ни пригрозить, ни пригвоздить, ни самолёт угнать!

Для пуль все досягаемы, -
Ни чёрта нет, ни Бога им!..
И мы себе стреляем, и
Мы никого не трогаем.

Стрельбе, азарту все цвета,
Все возрасты покорны:
И стар и млад, и тот и та,
И - жёлтый, белый, чёрный.

Опять сосёт под ложечкой.
Привычнее уже
Убийца на обложечке,
Девулька в неглиже.

Наш мир кишит неудачниками
С топориками в руке
И мальчиками с пальчиками
На спусковом крючке.

1973

Баллада об уходе в рай

Вот твой билет, вот твой вагон -
Всё в лучшем виде,- одному тебе дано
В цветном раю увидеть сон -
Трёхвековое непрерывное кино.

Всё позади - уже сняты
Все отпечатки, контрабанды не берём,
Как херувим стерилен ты,
А класс второй - не высший класс, зато с бельём.

Вот и сбывается всё, что пророчится,
Уходит поезд в небеса – счастливый путь!
Ах, как нам хочется, как всем нам хочется
Не умереть, а именно уснуть.

Земной перрон... Не унывай!
И не кричи – для наших воплей он оглох.
Один из нас поехал в рай,
Он встретит Бога там, ведь есть, наверно, Бог!

Ты передай ему привет,
А позабудешь – ничего, переживём:
Осталось нам немного лет,
Мы пошустрим и, как положено, умрём.

Вот и сбывается всё, что пророчится,
Уходит поезд в небеса – счастливый путь!
Ах, как нам хочется, как всем нам хочется
Не умереть, а именно уснуть.

Не всем дано поспать в раю,
Но кое-что мы здесь успеем натворить:
Подрасться, спеть – вот я пою,
Другие любят, третьи думают любить.

Уйдут, как мы, – в ничто без сна –
И сыновья, и внуки внуков в трёх веках.
Не дай Господь, чтобы – война,
А то мы правнуков оставим в дураках!

Вот и сбывается всё, что пророчится,
Уходит поезд в небеса – счастливый путь!
Ах, как нам хочется, как всем нам хочется
Не умереть, а именно уснуть.

Тебе плевать, и хоть бы хны:
Лежишь, миляга, принимаешь вечный кайф.
И нет забот, и нет вины...
Ты молодчина, это место подыскав.

...Разбудит вас какой-то тип
И пустит в мир, где в прошлом – войны, вонь и рак,
Где побеждён гонконгский грипп, –
На всем готовеньком ты счастлив ли, дурак?!

Вот и сбывается всё, что пророчится,
Уходит поезд в небеса – счастливый путь!
Ах, как нам хочется, как всем нам хочется
Не умереть, а именно уснуть.

Итак, прощай, звенит звонок.
Счастливый путь! Храни тебя от всяких бед!..
А если там и вправду – Бог,
Ты всё же вспомни, передай Ему привет.

1973

СТРЕЛЫ РОБИН ГУДА 1975

Печальная история была у меня с фильмом «Стрелы Робин Гуда». Мы хотели сделать кино не просто таким, каким оно было раньше. В старом замечательном

фильме играл великолепный актёр Рой Флинн, он там блистал, стрелял, великолепно любил, было на экране красивое изображение. И вот я написал шесть баллад (сам я там не играю), которые новому – нашему – фильму давали несколько иное направление. В нём была печаль, ностальгия по детству, что ли, потому что мы не можем уже так, как раньше воспринимать кино, с такими открытыми глазами... Мы вдруг начинаем думать: да, это ловко всё, но только ведь – кровь льётся, люди погибают, и не от хорошей жизни зачем-то живут в лесу...

Однако материал был отснят, баллады туда не вошли – опять по очень простому объяснению: «Кино приключенческое, зачем нужны туда серьёзные, трагические баллады?!» Надо было бороться за это дело, а режиссёр оказался послабже душою, чем я предполагал, и просто не стал бороться. (1976–1978)

Песня о времени

Замок временем скрыт и укутан, укрыт
В нежный плед из зелёных побегов,
Но... развяжет язык молчаливый гранит –
И холодное прошлое заговорит
О походах, боях и победах.

Время подвиги эти не стёрло:
Оторвать от него верхний пласт
Или взять его крепче за горло –
И оно свои тайны отдаст.

Упадут сто замков и спадут сто оков,
И сойдут сто потов целой груди веков, –
И польются легенды из сотен стихов
Про турниры, осады, про вольных стрелков.

Ты к знакомым мелодиям ухо готовь
И гляди понимающим оком, –
Потому что любовь – это вечно любовь,
Даже в будущем вашем далёком.

Звонко лопалась сталь под напором меча,
Тетива от натуги дымилась,
Смерть на копьях сидела, утробно урча,
В грязь валились враги, о пощаде крича,
Победившим сдаваясь на милость.

Но не все, оставаясь живыми,
В доброте сохраняли сердца,
Защитив своё доброе имя
От заведомой лжи подлеца.

Хорошо, если конь закусил удила
И рука на копьё поудобней легла,
Хорошо, если знаешь – откуда стрела,
Хуже – если по-подлому, из-за угла.

Как у вас там с мерзавцами? Бьют? Поделом!
Ведьмы вас не пугают шабашем?
Но... не правда ли, зло называется злом
Даже там – в добром будущем вашем?

И вовеки веков, и во все времена
Трус, предатель – всегда презираем,
Враг есть враг, и война всё равно есть война,

И темница тесна, и свобода одна -
И всегда на неё уповаем.

Время эти понятия не стёрло,
Нужно только поднять верхний пласт -
И дымящейся кровью из горла
Чувства вечные хлынут на нас.

Ныне, присно, во веки веков, старина, -
И цена есть цена, и вина есть вина,
И всегда хорошо, если честь спасена,
Если другом надёжно прикрыта спина.

Чистоту, простоту мы у древних берём,
Саги, сказки - из прошлого тащим, -
Потому, что добро остаётся добром -
В прошлом, будущем и настоящем!

1975

Песня о вольных стрелках

Если рыщут за твоею
Непокорной головой,
Чтоб петлём худую шею
Сделать более худой, -
Нет надёжнее приюта:
Скройся в лес - не пропадёшь, -
Если продан ты кому-то
С потрохами ни за грош.

Бедняки и бедолаги,
Презирая жизнь слуги,
И бездомные бродяги,
У кого одни долги, -
Все, кто загнан, неприкаян,
В этот вольный лес бегут, -
Потому что здесь хозяин -
Славный парень Робин Гуд!

Здесь с полслова понимают,
Не боятся острых слов,
Здесь с почётом принимают
Оторви-сорвиголов.
И скрываются до срока
Даже рыцари в лесах:
Кто без страха и упрёка -
Тот всегда не при деньгах!

Знают все оленьи тропы,
Словно линии руки,
В прошлом - слуги и холопы,
Ныне - вольные стрелки.
Здесь того, кто всё теряет,
Защитят и сберегут:
По лесной стране гуляет
Славный парень Робин Гуд!

И живут да поживают
Всем запретам вопреки
И ничуть не унывают

Эти вольные стрелки, -
Спят, укрывшись звёздным небом,
Мох под рёбра подложив, -
Им, какой бы холод ни был -
Жив - и славно, если жив!

Но вздыхают от разлуки -
Где-то дом и клочок земли -
Да поглаживают луки,
Чтоб в бою не подвели,
И стрелков не сыщешь лучших!..
Что же завтра, где их ждут -
Скажет первый в мире лучник
Славный парень Робин Гуд!

1975

Баллада о Любви

Когда вода Всемирного потопа
Вернулась вновь в границы берегов,
Из пены уходящего потока
На сушу тихо выбралась Любовь -
И растворилась в воздухе до срока,
А срока было - сорок сороков...

И чудачи - ещё такие есть -
Вдыхают полной грудью эту смесь,
И ни награды не ждут, ни наказания, -
И, думая, что дышат просто так,
Они внезапно попадают в такт
Такого же неровного дыханья.

Я поля влюблённым постелю -
Пусть поют во сне и наяву!..
Я дышу, и значит - я люблю!
Я люблю, и значит - я живу!

И много будет странствий и скитаний:
Страна Любви - великая страна!
И с рыцарей своих - для испытаний -
Всё строже станет спрашивать она:
Потребуется разлук и расстояний,
Лишит покоя, отдыха и сна...

Но вспять безумцев не поворотить -
Они уже согласны заплатить:
Любой ценой - и жизнью бы рискнули, -
Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
Волшебную невидимую нить,
Которую меж ними протянули.

Я поля влюблённым постелю -
Пусть поют во сне и наяву!..
Я дышу, и значит - я люблю!
Я люблю, и значит - я живу!

Но многих захлебнувшихся любовью
Не докричишься - сколько не зови, -
Им счёт ведут молва и пустословье,
Но этот счёт замешан на крови.

А мы поставим свечи в изголовье
Погибших от невиданной любви...

И душам их дано бродить в цветах,
И голосам дано сливаться в такт,
И вечностью дышать в одно дыханье,
И встретиться - со вздохом на устах -
На хрупких переправах и мостах,
На узких перекрёстках мирозданья.

Свежий ветер избранных пьянил,
С ног сбивал, из мёртвых воскрешал, -
Потому что если не любил -
Значит, и не жил, и не дышал!

1975

Песня о двух погибших лебедях

Трубят рога: скорей, скорей! -
И копошится свита.
Душа у ловчих без затей,
Из жил воловьих свита.

Ну и забава у людей -
Убить двух белых лебедей!
И стрелы ввысь помчались...
У лучников намётан глаз, -
А эти лебеди как раз
Сегодня повстречались.

Она жила под солнцем - там,
Где синих звёзд без счёта,
Куда под силу лебедям
Высокого полёта.

Ты воспарил - крыла раскинул -
В густую трепетную синь.
Скользи по божьим склонам, -
В такую высь, куда и впредь
Возможно будет долететь
Лишь ангелам и стонам.

Но он и там её настиг -
И счастлив миг единый, -
Но может, был тот яркий миг
Их песней лебединой...

Двум белым ангелам сродни,
К земле направились они -
Опасная повадка!
Из-за кустов, как из-за стен,
Следят охотники за тем,
Чтоб счастье было кратко.

Вот утирают пот со лба
Виновники паденья:
Сбылась последняя мольба -
«Остановись, мгновенье!»

Так пелся вечный этот стих
В пик лебединой песне их -
Счастливицев одночасья:
Они упали вниз вдвоём,
Так и оставшись на седьмом,
На высшем небе счастья.

1975

Песня о ненависти

Торопись - тощий гриф над страной кружит!
Лес - обитель твою - по весне навести!
Слышишь - гулко земля под ногами дрожит?
Видишь - плотный туман над полями лежит? -
Это росы вскипают от ненависти!

Ненависть - в почках набухших томится,
Ненависть - в нас затаённо бурлит,
Ненависть - потом сквозь кожу сочится,
Головы наши палит!

Погляди - что за рыжие пятна в реке, -
Зло решило порядок в стране навести.
Рукоятки мечей холодеют в руке,
И отчаянье бьётся, как птица, в виске,
И заходится сердце от ненависти!

Ненависть - юным уродует лица,
Ненависть - просится из берегов,
Ненависть - жаждет и хочет напиться
Чёрною кровью врагов!

Да, нас ненависть в плен захватила сейчас,
Но не злоба нас будет из плена вести.
Не слепая, не чёрная ненависть в нас, -
Свежий ветер нам высушит слезы у глаз
Справедливой и подлинной ненависти!

Ненависть - пей, переполнена чаша!
Ненависть - требует выхода, ждёт.
Но благородная ненависть наша
Рядом с любовью живёт!

1975

Баллада о борьбе

Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров,
Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от детских своих катастроф.

Детям вечно досажен
Их возраст и быт -
И дрались мы до ссадин,
До смертных обид.
Но одежды латали

Нам матери в срок,
Мы же книги глотали,
Пьянея от строк.

Липли волосы нам на вспотевшие лбы,
И сосало под ложечкой сладко от фраз.
И кружил наши головы запах борьбы,
Со страниц пожелтевших слетая на нас.

И пытались постичь -
Мы, не знавшие войн,
За воинственный клич
Принимавшие вой, -
Тайну слова «приказ»,
Назначение границ,
Смысл атаки и лязг
Боевых колесниц.

А в кипящих котлах прежних боен и смут
Столько пищи для маленьких наших мозгов!
Мы на роли предателей, трусов, иуд
В детских играх своих назначали врагов.

И злодея слезам
Не давали остыть,
И прекраснейших дам
Обещали любить;
И, друзей успокоив
И ближних любя,
Мы на роли героев
Вводили себя.

Только в грёзы нельзя насовсем убежать:
Краткий век у забав - столько боли вокруг!
Попытайся ладони у мёртвых разжать
И оружие принять из натруженных рук.

Испытай, завладев
Ещё тёплым мечом,
И доспехи надев, -
Что почём, что почём!
Разберись, кто ты - трус
Иль избранник судьбы,
И попробуй на вкус
Настоящей борьбы.

И когда рядом рухнет израненный друг
И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
И когда ты без кожи останешься вдруг
Оттого, что убили - его, не тебя, -

Ты поймёшь, что узнал,
Отличил, отыскал
По оскалу забрал -
Это смерти оскал! -
Ложь и зло, - погляди,
Как их лица грубы,
И всегда позади -
Вороньё и гробы!

Если путь прорубая отцовским мечом
Ты солёные слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал что почём, -
Значит, нужные книги ты в детстве читал!

Если мяса с ножа
 Ты не ел ни куска,
Если руки сложа
 Наблюдал свысока,
И в борьбу не вступил
 С подлецом, с палачом –
Значит, в жизни ты был
 Ни при чём, ни при чём!

1975

СКАЗ ПРО ТО, КАК ЦАРЬ ПЁТР АРАПА ЖЕНИЛ 1976

...Я снялся в картине, которая раньше называлась «Арап Петра Великого», а теперь она называется почему-то «Сказ про то, как царь Пётр арапа женил»... Это какой-то умный человек в Комитете придумал: что вот, дескать, так будет – про царя, а то было про арапа (смех в зале). У меня особые счёты с этим фильмом, потому что я собирался снимать совсем другое кино. А меня втравили в эту авантюру и сделали какую-то полуоперетту. Всё это задумывалось серьёзнее и любопытнее. Хотя фильм, в общем, сделан достойно, он яркий, на общем фоне он выделялся, много стран купили картину, но я её не считаю своей интересной работой.

Писал я туда песни, но их там нету, потому что – «не вмонтировались в картину». Такие случаи у меня бывают довольно часто... (1975-1978)

Купола

Михаилу Шемякину

Как засмотрится мне нынче, как задышится?!
Воздух крут перед грозой, крут да вязок.
Что споётся мне сегодня, что услышится?
Птицы вещие поют – да все из сказок.

Птица Сирин мне радостно скалится –
Веселит, зазывает из гнёзд,
А напротив – тоскует-печалится,
Травит душу чудной Алконост.

Словно семь заветных струн
Зазвенели в свой черёд –
Это птица Гамаюн
Надежду подаёт!

В синем небе, колокольнями проколотом, –
Медный колокол, медный колокол –
То ль возрадовался, то ли осерчал...
Купола в России кроют чистым золотом –
Чтобы чаще Господь замечал.

Я стою, как перед вечною загадкой,
Пред великою да сказочной страной –
Перед солоно – да горько-кисло-сладкою,
Голубою, родниковою, ржаною.

Грязью чавкая жирной да ржавою,
Вязнут лошади по стремяна,
Но влекут меня сонной державою,
Что раскисла, опухла от сна.

Словно семь богатых лун
На пути моём встаёт -
То мне птица Гамаюн
Надежду подаёт!

Душу, сбитую утратами да тратами,
Душу, стёртую перекатами, -
Если до крови лоскут истончал, -
Залатаю золотыми я заплатами -
Чтобы чаще Господь замечал!

1975

Разбойничья

Как во смутной волости
Лютой, злой губернии
Выпадали молодцу
Всё шипы да тернии.

Он обиды зачерпнул, зачерпнул
Полные пригоршни,
Ну а горе, что хлебнул, -
Не бывает горше.

Пей отраву, хоть залейся!
Благо, денег не берут.
Сколь верёвочка ни вейся -
Всё равно совьёшься в кнут!

Гонит неудачников
По миру с котомкою,
Жизнь текёт меж пальчиков
Паутинкой тонкою,

А которых повело, повлекло
По лихой дороге -
Тех ветрами сволокло
Прямоком в остроги.

Тут на милость не надейся -
Стиснуть зубы да терпеть!
Сколь верёвочка ни вейся -
Всё равно совьёшься в плеть!

Ах, лихая сторона,
Сколь в тебе ни рыскаю -
Лобным местом ты красна
Да верёвкой склизкою!

А повешенным сам дьявол-сатана
Голы пятки лижет.
Смех, досада, мать честна! -
Ни пожить, ни выжить!

Ты не вой, не плачь, а смейся -
Слёз-то нынче не простят.
Сколь верёвочка ни вейся -
Всё равно укоротят!

Ночью думы муторней.

Плотники не мешкают -
Не успеть к заутрене:
Больно рано вешают.

Ты об этом не жалей, не жалей, -
Что тебе отсрочка?!
На верёвочке твоей
Нет ни узелочка!

Лучше ляг да обогрейся -
Я, мол, казни не просплю...
Сколь верёвочка ни вейся -
А совьёшься ты в петлю!

1975

ВЕТЕР НАДЕЖДЫ 1977

Недавно с режиссёром, снимавшим «Вертикаль», мы сделали на Студии Горького картину о море, примерно в том же плане, что и «Вертикаль». Там будет несколько баллад о море. Можно было бы спеть - и я хотел - «лучше гор может быть только море, на котором ещё не бывал», но потом мы решили написать другие.

Пока картина называется «Большие океанские гонки», но, думаю, будет название другое. Это о парусном учебном судне «Товарищ» на котором молодые моряки проходят практику, и о всех их приключениях в мировом океане.

Сам я там играть не буду, а будут звучать эти баллады, записанные моим голосом на мою же музыку. Звучать они будут примерно так же, как и в «Вертикали»: в параллель с фильмом, а не в кадре. (1976)

Начальная песня

Этот день будет первым всегда и везде -
Пробил час, долгожданный серебряный час:
Мы ушли по весенней высокой воде,
Обещанием помнить и ждать заручась.

По горячим следам мореходов живых и экранных,
Что пробили нам курс через рифы, туманы и льды,
Мы под парусом белым идем с океаном на равных
Лишь в упряжке ветров, не терзая винтами воды.

Впереди - чудеса неземные!
А земле, чтобы ждать веселей,
Будем вечно мы слать позывные -
Эту вечную дань кораблей.

Говорят, будто парусу реквием спет,
Чёрный бриг за пиратство в музей заточён,
Бросил якорь в историю стройный корвет,
Многотрубные увальни вышли в почёт.

Но весь род моряков - сколько есть - до седьмого колена
Будет помнить о тех, кто ходил на накале страстей.
И текла за кормой добела раскалённая пена,
И щадила судьба непутёвых своих сыновей.

Впереди - чудеса неземные!
А земле, чтобы ждать веселей,
Будем честно мы слать позывные -

Эту вечную дань кораблей.

Материк безымянный не встретим вдали,
Островам не присвоим названий своих -
Все открытые земли давно нарекли
Именами великих людей и святых.

Расхватали открытья - мы ложных иллюзий не строим, -
Но стекает вода с якорей, как живая вода.
Повезёт - и тогда мы в себе эти земли откроем, -
И на берег сойдём - и останемся там навсегда.

Не смыкайте же век, рулевые, -
Вдруг расщедрится серая мгла -
На «Летучем Голландце» впервые
Запалят ради нас факела!

Впереди - чудеса неземные!
А земле, чтобы ждать веселей,
Будем честно мы слать позывные -
Эту вечную дань кораблей!

1976

Одна научная загадка или Почему аборигены съели Кука

Не хватайтесь за чужие талии,
Вырвавшись из рук своих подруг!
Вспомните, как к берегам Австралии
Подплывал покойный ныне Кук,

Как, в кружок усевшись под азалии,
Поедом - с восхода до зари -
Ели в этой солнечной Австралии
Друга дружку злые дикари.

Но почему аборигены съели Кука?
За что - неясно, молчит наука.
Мне представляется совсем простая штука:
Хотели кушать - и съели Кука!

Есть вариант, что ихний вождь - Большая Бука -
Сказал, что - очень вкусный кок на судне Кука...
Ошибка вышла - вот о чём молчит наука:
Хотели - кока, а съели - Кука!

И вовсе не было подвоха или трюка -
Вошли без стука, почти без звука, -
Пустили в действие дубинку из бамбука -
Тюк! прямо в темя - и нету Кука!

Но есть, однако же, ещё предположение,
Что Кука съели из большого уваженья, -
Что всех науськивал колдун - хитрец и злюка:
«Ату, ребята, хватайте Кука!

Кто уплетёт его без соли и без лука,
Тот сильным, смелым, добрым будет - вроде Кука!»
Кому-то под руку попался каменюка -
Метнул, гадюка, - и нету Кука!

А дикари теперь заламывают руки,

Ломают копья, ломают луки,
Сожгли и бросили дубинки из бамбука -
Переживают, что съели Кука!

1973, ред. 1979

х х х

Ну, вот исчезла дрожь в руках,
Теперь - наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх
Навек, навек, -
Для остановки нет причин -
Иду, скользя...
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя!

Среди нехоженных путей
Один путь - мой,
Среди невзятых рубежей
Один - за мной!
Кто недоплыл и в волны лёг -
Тем Бог судья...
Среди непройденных дорог
Одна - моя!

Мой океан со всех сторон
Штормит, штормит,
Он тайну чьих-нибудь имён
На дне хранит.
А я гляжу в свою мечту
Поверх голов
И свято верю в чистоту
Глубин и слов!

И пусть пройдёт немалый срок -
Мне не забыть,
Что здесь сомнения я смог
В себе убить.
Я слышал - пела мне вода:
Удач - всегда!..
А день... какой был день тогда?
Ах да - среда!..

1969, ред. 1976

х х х

Вы в огне да и в море вовеки не сыщете брода, -
Вы не ждали его - не за легкой добычей пошли.
Провожая закат, мы живём ожиданьем восхода
И, влюблённые в море, живём ожиданьем земли.

Помнишь детские сны о походах Великой Армады,
Абордажи, бои, паруса - и под ложечкой ком?..
Все сбылось: «Становись! Становись!» - раздаются команды, -
Это требует море - скорей становись моряком!

Наверху, впереди – злее ветры, багровее зори, –
Правда, сверху видней, впереди же – исход и земля.
Вы матросские робы, кровавые ваши мозоли
Не забудьте, ребята, когда-то надев кителя!

По сигналу «Пошел!» оживают продрогшие реи,
Горизонт опрокинулся, мачты упали ничком.
Становись, становись, становись человеком скорее! –
Это значит на море – скорей становись моряком!

Поднимаемся в небо по вантам, как будто по вехам, –
Там и ветер живой – он кричит, а не шепчет тайком:
Становись, становись, становись, становись человеком! –
Это значит на море – скорей становись моряком!

Чтоб отсутствием долгим вас близкие не попрекали,
Не грубейте душой и не будьте покорны судьбе, –
Оставайтесь, ребята, людьми, становясь моряками;
Становясь капитаном – храните матроса в себе!

1976

Шторм

Мы говорим не «штормы», а «шторма» –
Слова выходят коротки и смачны:
«Ветра» – не «ветры» – сводят нас с ума,
Из палуб выкорчёвывая мачты.

Мы на приметы наложили вето –
Мы чтим чутьё компасов и носов.
Упругие тугие мышцы ветра
Натягивают кожу парусов.

На чаше звездных – подлинных – Весов
Седой Нептун судьбу решает нашу,
И стая псов, голодных Гончих псов,
Надсадно воя, гонит нас на Чашу.

Мы – призрак легендарного корвета,
Качаемся в созвездии Весов.
И словно заострились струи ветра –
И вспарывают кожу парусов.

По курсу – тень другого корабля,
Он шёл – и в штормы хода не снижая.
Глядите – вон болтается петля
На рее, по повешенным скучая!

С ним Провиденье поступило круто:
Лишь вечный штиль – и прерван ход часов, –
Попутный ветер словно бес попутал –
Он больше не находит парусов.

Нам кажется, мы слышим чей-то зов –
Таинственные чёткие сигналы...
Не жажда славы, гонок и призов
Бросает нас на гребни и на скалы.

Изведать то, чего не ведал сроду, –
Глазами, ртом и кожей пить простор!..

Кто в океане видит только воду -
Тот на земле не замечает гор.

Пой, ураган, нам злые песни в уши,
Под череп проникай и в мысли лезь,
Лей звёздный дождь, вселяя в наши души
Землём и морем вечную болезнь!

1976

Гимн морю и горам

Заказана погода нам Удачею самой,
Довольно футов нам под киль обещано,
И небо поделилось с океаном синевой -
Две синевы у горизонта скрещены.

Не правда ли, морской хмельной невиданный простор
Сродни горам в безумье, буйстве, кротости:
Седые гривы волн чисты, как снег на пиках гор,
И впадины меж ними - словно пропасти!

Служение стихиям не терпит суеты,
К двум полюсам ведёт меридиан.
Благословенны вечные хребты,
Благословен Великий океан.

Нам сам Великий случай - брат, Везение - сестра,
Хотя - на всякий случай - мы встревожены.
На суше пожелали нам ни пуха ни пера,
Созвездья к нам прекрасно расположены.

Мы все - вперёдсмотрящие, все начали с азов,
И если у кого-то невезение -
Меняем курс, идём на SOS, как там, в горах, - на зов,
На помощь, прерывая восхождение.

Служение стихиям не терпит суеты,
К двум полюсам ведёт меридиан.
Благословенны вечные хребты,
Благословен Великий океан.

Потери подсчитаем мы, когда пройдет гроза,-
Не сединой, а солью убелённые, -
Скупая океанская огромная слеза
Умоет наши лица просветлённые...

Взята вершина - клотики вонзились в небеса!
С небес на землю - только на мгновение:
Едва закончив рейс, мы поднимаем паруса -
И снова начинаем восхождение.

Служение стихиям не терпит суеты,
К двум полюсам ведёт меридиан.
Благословенны вечные хребты,
Благословен Великий океан.

1976

Мореплаватель-одиночка

Вот послал Господь родителям сыночка:
Люльку в лодку переделать велел, -
Мореплаватель родился одиночка -
Сам укачивал себя, сам болел...

Не по году он мужал - по денёчку,
И уже из колыбели дерзал:
К мореплаванью годился в одиночку,
Из пелёнок паруса вырезал.

...Прямо по носу - глядите! - то ли бочка,
То ли яхта, то ли плот, то ли - нет:
Мореплаватель, простите, одиночка
Посылает вам мудрёный привет!

Ой, ребята, не к добру проволочка!
Сплюньте трижды все, кто на корабле:
Мореплаватель на море одиночка -
Вроде чёрного кота на земле!

«Вы откуда - отвечайте нам, и точка, -
Не могли же вы свалиться с небес?!
Мы читали, что какой-то одиночка
В треугольнике Бермудском исчез...»

«Это утка, это бред - все до строчки! -
И простите, если резок и груб, -
Я там плавал, извините, в одиночку:
Он совсем не треугольник, а - куб!

Были бедствия - посуда на кусочки!
Била Бетси - ураган - всё подряд, -
Мореплаватели нынче - одиночки -
Из летающих тарелок едят!..»

Вот добавил он в планктон кипяточку...
Как орудует: хоть мал, да удал!
Глядь - и ест деликатесы в одиночку, -
А из нас - таких никто не едал.

И поведал он, что пьёт он по глоточку,
Чтоб ни капли не пропасть в бороде, -
Мореплаватель, простите, в одиночку
Философию развёл на воде.

«Не искусственную ли оболочку
Вы вокруг себя, мой друг, возвели?
Мореплаванью, простите, в одиночку
Наше общество предпочли?»

Он ответил: «Вы попали прямо в точку!
Жаль, на суше не пожать вам руки:
В море плавая подолгу в одиночку,
Я по вас затосковал, моряки!»

Мы, услыша что-нибудь, сразу - в строчку,
Мы, завидя что-нибудь, - в негатив!
Мореплавателя сняли, одиночку,
В фотографию его превратив.

Ах, побольше б нам немного юморочку! -
Поскучнели, отрешась от земли, -
Мореппавателя - брата - одиночку
Мы хотя бы как смогли развлекли!

Так поменьше им преград и отсрочек,
И задорин на пути, и сучков!
Жаль, что редко их встречаешь - одиночек, -
Славных малых и таких чудаков!

1976

ВООРУЖЁН И ОЧЕНЬ ОПАСЕН 1977

Это - шестидесятые годы прошлого века, ковбойская тема. Только что начали добывать нефть... В общем, люди, вы знаете, - те, которые ходили с пистолетом, сами решали все вопросы, стреляли и влёт, и лёжа, и навскидку... Среди них были и хорошие, и плохие, - вот о них я и написал различные песни.

В этом фильме я не играю, а песни мои поёт Сенчина, которая играет как актриса роль певицы Жюли. Хотя я и должен был сначала петь одну песню - про живучего парня Барри. Так они меня вокруг пальца ловко обвели! Как-то говорят: «Ты напиши!..» Я для себя писал. Потом говорят: «Знаешь, надо, чтобы она всё-таки спела...» Я стал для неё переписывать. Говорю: «А вот эту - я спою!» Они говорят: «Ну, хорошо!» А потом, когда она спела, они говорят: «Это не надо, потому что...» (смех в зале). Чего вам рассказывать! У всех свои дела - у всех на работе всё похожее... (1976-1977)

Расскажи, дорогой

Расскажи, дорогой,
Что случилось с тобой,
Расскажи, дорогой, не таясь!
Может, всё потерял,
Проиграл, прошвырял?
Может, ангел-хранитель не спас?

Или просто устал,
Или поздно стрелял?
Или спутал, бедняга, где верх, а где низ?
В рай хотел? Это верх.
Ах, чудаков-человек,
Что поделать теперь? Улыбнись!

Сколько славных парней, загоняя коней,
Рвутся в мир, где не будет ни злобы, ни лжи!
Неужели, чудаков, ты собрался туда?
Что с тобой, дорогой, расскажи.

Может быть, дорогой,
Ты скакал за судьбой,
Умолял: «Подожди, оглянись!»
Оглянулась она -
И стара, и страшна.
Наплевать на неё, улыбнись!

А беду, чёрт возьми,
Ты запей, задыми
И ещё раз попробуй садись на коня.
Хоть на миг, на чуть-чуть
Ты её позабуди,
Обними, если хочешь, меня!

Сколько славных парней, загоняя коней,
Рвутся в мир, где не будет ни злобы, ни лжи!
Неужели, чудак, ты собрался туда?
Что с тобой, дорогой, расскажи.

Притомился – приляг,
Вся земля – для бродяг!
Целый век у тебя впереди.
А прервётся твой век –
Там, в земле, человек
Потеснится: давай, заходи!

Отдохни, не спеши,
Сбрось всю тяжесть с души, –
За удачею лучше идти налегке!
Всё богатство души
Нынче стоит гроши –
Меньше глины и грязи в реке!

Сколько славных парней, загоняя коней,
Рвутся в мир, где ни злобы, ни лжи, – лишь покой.
Если, милый чудак, доберёшься туда,
Не забудь обо мне, дорогой.

1976

Не грусти!

Не грусти!
Забудь за дверью грусть.
Заплати,
А я развлечь берусь.
Потерпи – уйду ненадолго,
Допою и сразу вернусь.

Попробуйте забыться,
Не думать о дурном!
Оставьте злые лица
Направо за углом.

Оставьте боли и заботы
Своему врагу,
Я в этом охотно
Помогу!

Когда вы слишком чинны,
Мы вянем от тоски –
Усталые мужчины
Плохие... шутники!

Не выпьют лишнего ни йоты, –
Мало куражу,
Пока я им что-то
Не скажу.

Пей вино!
Ах, ты не пьёшь вина?!
Всё равно
Я за двоих пьяна.
Так и быть – я завтра забуду,
Что была в тебя влюблена.

Забыли вы морщины
Разгладить на лице...
Они на вас, мужчины,
Как фрак на мертвеце!

Про наши нежные расчёты
Дома - ни гу-гу.
Я в этом охотно
Помогу.

Грешны вы иль невинны -
Какие пустяки.
Усталые мужчины
Такие... чудаки!

Не скажут лишнего ни йоты, -
Мало куражу,
Пока я им что-то
Не скажу.

Ах, жара,
Какая здесь жара!
Всё игра,
Вся наша жизнь - игра!
Но в игре бывает удача
И счастливые номера.

Нет золотой долины -
Всё проигрыш и прах,
А выигрыш, мужчины,
В отдельных номерах!

Играйте, но не для наживы,
А на весь кураж,
И номер счастливый
Будет ваш!

На нас не пелерины,
Мы - бабочки в пыльце.
Порхаем, а мужчины
Меняются в лице.

Порхайте с нами беззаботно,
Словно на лугу,
А я вам охотно
Помогу.

1976

Вооружён и очень опасен

Запоминайте:
Приметы - это суета,
Стреляйте в чёрного кота,
Но сплунуть трижды никогда
Не забывайте!

И не дрожите!
Молясь, вы можете всегда
Уйти от Страшного суда,

А вот от пули, господа,
Не убежите!

Кто там крадётся вдоль стены,
Всегда в тени и со спины?
Его шаги едва слышны, -
Остерегитесь!
Он врал, что истина в вине.
Кто доверял ему вполне -
Уже упал с ножом в спине.
Поберегитесь!

За маской не узнать лица,
В глазах - по девять грамм свинца,
Расчёт его точен и ясен.
Он не полезет на рожон,
Он до зубов вооружён
И очень, очень опасен!

Не доверяйте
Ему ни тайн своих, ни снов,
Не говорите лишних слов,
Под пули зря своих голов
Не подставляйте!

Гниль и болото
Произвели его на свет.
Неважно - прав ты или нет -
Он в ход пускает пистолет
С пол-оборота.

Он жаден, зол, хитёр, труслив,
Когда он пьёт, тогда слезлив,
Циничен он и не брезглив:
«Когда и - сколько?»
Сегодня - я, а завтра - ты,
Нас уберут без суеты.
Зрачки его черны, пусты,
Как дула кольца.

За маской не узнать лица,
В глазах - по девять грамм свинца,
Расчёт его точен и ясен.
Он не полезет на рожон,
Он до зубов вооружён
И очень, очень опасен!

1976

Живучий парень

Живёт живучий парень Барри,
Не вылезая из седла,
По горло он богат долгами,
Но если спросишь: «Как дела?» -

Поглаживая пистолет,
Сквозь зубы процедит небрежно:
«Пока ещё законов нет,
То только на него надежда!»

Он кручен-верчен, бит о камни,
Но всё в порядке с головой,
Ведь он живучий парень – Барри:
Глоток воды – и вновь живой!

Он, если нападут на след,
Коня по гриве треплет нежно:
«Погоня, брат, законов нет –
И только на тебя надежда!»

Ваш дом горит, черно от гари
И тщетны вопли к небесам.
При чём тут Бог – зовите Барри,
Который счёты сводит сам.

Сухим выходит он из бед, –
Хоть не всегда суха одежда.
Пока в законах проку нет –
У всех лишь на него надежда.

Да, на руку он скор с врагами,
А другу – верный талисман.
Таков живучий парень Барри:
Полна душа и пуст карман.

Он вовремя найдёт ответ,
Коль свару заведёт невежда.
Пока в стране законов нет,
То только на себя надежда.

1976

ЗАБУДЬТЕ СЛОВО «СМЕРТЬ» 1979

Эта песня написана для картины Одесской киностудии, режиссёром её был мой товарищ. Он, значит, сорок бочек мне наобещал, как она здорово будет туда вставлена. Лёша Зубов написал прекрасную оркестровку этой музыки, мы её записали с оркестром – а потом оказалось, что в фильме её нету. Не то, что она не состоялась по каким-то там причинам несходства наших взглядов – просто не смонтировалась с материалом: песня была написана в очень сильном ритме, и, хотя события в картине тоже очень жёсткие – очень много стрельбы на экране, артисты темпераментно работают и так далее, – всё-таки эта песня туда не уложилась. Но у меня есть счастливая возможность продлить ей жизнь и спеть её вам в том виде, в каком она была написана. (1979)

Пожары

Пожары над страной все выше, жарче, веселей,
Их отблески плясали в два притопа три прихлопа, –
Но вот Судьба и Время пересели на коней,
А там – в галоп, под пули в лоб, –
И мир ударило в озноб
От этого галопа.

Шальные пули злы, слепы и бестолковы,
А мы летели вскачь – они за нами влёт, –
Расковывались кони – и горячие подковы
Летели в пыль – на счастье тем, кто их потом найдёт.

Увёртливы поводья, словно угри,
И спутаны и волосы и мысли на бегу, –

А ветер дул - и расплетал нам кудри,
И расправлял извилины в мозгу.

Ни бегство от огня, ни страх погони - ни при чём,
А Время подскакало, и Фортуна улыбалась, -
И сабли седоков скрестились с солнечным лучом, -
Седок - поэт, а конь - пегас.
Пожар померк, потом погас, -
А скачка разгоралась.

Ещё не видел свет подобного аллюра -
Копыта били дробь, трезвонила капель.
Помешанная на крови слепая пуля-дура
Прозрела, поумнела вдруг - и чаще была в цель.

И кто кого - азартней перепляса,
И кто скорее - в этой скачке опоздавших нет, -
А ветер дул, с костей сдувая мясо
И радуя прохладой скелет.

Удача впереди и исцеление больным, -
Впервые скачет Время напрямую - не по кругу,
Обещанное завтра будет горьким и хмельным...
Легко скакать, врага видать,
И друга тоже - благодать!
Судьба летит по лугу!

Доверчивую Смерть вокруг пальца обернули -
Замешкалась она, забыв махнуть косой, -
Уже не догоняли нас и отставали пули...
Удастся ли умыться нам не кровью, а росой?!

Пел ветер все печальнее и глуше,
Навылет Время ранено, досталось и Судьбе.
Ветра и кони - и тела и души
Убитых - выносили на себе.

1978

ТОЧКА ОТСЧЁТА 1979 (1981)

Это новый фильм режиссёра Виктора Турова, и опять в нём звучат три мои песни в моём исполнении и в исполнении моей жены - она их поёт на русском языке. Он взял эти песни из дисков, которые я записал пять или шесть лет назад в Москве и до сих пор борюсь, чтобы они вышли.

Я вам очень рекомендую посмотреть этот фильм - и не из-за того, что там звучат мои песни, - просто это очень удачно сделано, по-моему, о современных десантниках. Сценарий писал тоже мой близкий друг, с которым я даже в школе учился. Я вообще предпочитаю работать со своими друзьями - это всегда легче и ты можешь надеяться на то, что песни выйдут в том виде, в каком они были написаны. (1979)

Белый вальс

Какой был бал! Накал движенья, звука, нервов!
Сердца стучали на три счёта вместо двух.
К тому же дамы приглашали кавалеров
На белый вальс традиционный - и захватывало дух.

Ты сам, хотя танцуешь с горем пополам,
Давно решился пригласить её одну, -

Но вечно надо отлучаться по делам -
Спешить на помощь, собираться на войну.

И вот, всё ближе, все реальной становясь,
Она, к которой подойти намеревался,
Идёт сама, чтоб пригласить тебя на вальс, -
И кровь в висках твоих стучится в ритме вальса.

Ты внешне спокоен средь шумного бала,
Но тень за тобою тебя выдавала -
Металась, ломалась, дрожала она в зыбком свете свечей.
И бережно держа, и бешено кружа,
Ты мог бы провести её по лезвию ножа, -
Не стой же ты руки сложа, сам не свой и - ничей!

Если петь без души - вылетает из уст белый звук.
Если строки ритмичны без рифмы, тогда говорят: белый стих.
Если все цвета радуги снова сложить - будет свет, белый свет.
Если все в мире вальсы сольются в один - будет вальс, белый вальс.

Был белый вальс - конец сомненьям маловеров
И завершение юных снов, забав, утех, -
Сегодня дамы приглашали кавалеров -
Не потому, не потому, что мало храбрости у тех.

Возведены на время бала в званье дам,
И кружит головы нам вальс, как в старину.
Партнёрам скоро отлучаться по делам -
Спешить на помощь, собираться на войну.

Белее снега белый вальс, кружись, кружись,
Чтоб снегопад подольше не прервался!
Она пришла, чтоб пригласить тебя на жизнь, -
И ты был бел - бледнее стен, белее вальса.

Ты внешне спокоен средь шумного бала,
Но тень за тобою тебя выдавала -
Металась, ломалась, дрожала она в зыбком свете свечей.
И бережно держа, и бешено кружа,
Ты мог бы провести её по лезвию ножа, -
Не стой же ты руки сложа, сам не свой и - ничей!

Если петь без души - вылетает из уст белый звук.
Если строки ритмичны без рифмы, тогда говорят: белый стих.
Если все цвета радуги снова сложить - будет свет, белый свет.
Если все в мире вальсы сольются в один - будет вальс, белый вальс.

Где б ни был бал - в лицее, в Доме офицеров,
В дворцовой зале, в школе - как тебе везло, -
В России дамы приглашали кавалеров
Во все века на белый вальс, и было всё белым-бело.

Потупя взоры, не смотря по сторонам,
Через отчаянье, молчанье, тишину
Спешили женщины прийти на помощь нам, -
Их бальный зал - величиной во всю страну.

Куда б ни бросило тебя, где б ни исчез, -
Припомни этот белый зал - и улыбнись.
Век будут ждать тебя - и с моря и с небес -
И пригласят на белый вальс, когда вернёшься.

Ты внешне спокоен средь шумного бала,
Но тень за тобою тебя выдавала -

Металась, ломалась, дрожала она в зыбком свете свечей.
И бережно держа, и бешено кружа,
Ты мог бы провести её по лезвию ножа, -
Не стой же ты руки сложа, сам не свой и - ничей!

Если петь без души - вылетает из уст белый звук.
Если строки ритмичны без рифмы, тогда говорят: белый стих.
Если все цвета радуги снова сложить - будет свет, белый свет.
Если все в мире вальсы сольются в один - будет вальс, белый вальс.

1978

Мы вас ждём

Так случилось - мужчины ушли,
Побросали посе́вы до срока, -
Вот их больше не видно из окон -
Растворились в дорожной пыли.

Вытекают из колоса зерна -
Это слёзы несжатых полей,
И холодные ветры проворно
Потекли из щелей.

Мы вас ждём - торопите коней!
В добрый час, в добрый час, в добрый час!
Пусть попутные ветры не бьют, а ласкают вам спины...
А потом возвращайтесь скорей:
Ивы плачут по вас,
И без ваших улыбок бледнеют и сохнут рябины.

Мы в высоких живём теремах -
Входа нет никому в эти зданья:
Одиночество и ожиданье
Вместо вас поселились в домах.

Потеряла и свежесть и прелесть
Белизна ненадетых рубах.
Да и старые песни приелись
И навязли в зубах.

Мы вас ждём - торопите коней!
В добрый час, в добрый час, в добрый час!
Пусть попутные ветры не бьют, а ласкают вам спины...
А потом возвращайтесь скорей:
Ивы плачут по вас,
И без ваших улыбок бледнеют и сохнут рябины.

Всё единою болью болит,
И звучит с каждым днем непрестанней
Вековечный надрыв причитаний
Отголоском старинных молитв.

Мы вас встретим и пеших, и конных,
Утомлённых, нецелых - любых, -
Только б не пустота похоронных,
Не предчувствие их!

Мы вас ждём - торопите коней!
В добрый час, в добрый час, в добрый час!
Пусть попутные ветры не бьют, а ласкают вам спины...

А потом возвращайтесь скорей:
Ивы плачут по вас,
И без ваших улыбок бледнеют и сохнут рябины.

1972

Песня о двух красивых автомобилях

Без запретов и следов,
Об асфальт сжигая шины,
Из кошмара городов
Рвутся за город машины, -
И громоздкие, как танки,
«Форды», «Линкольны», «Селены»,
Элегантные «Мустанги»,
«Мерседесы», «Ситроены».

Будто знают - игра стоит свеч, -
Это будет как кровная месть городам!
Поскорей - только б свечи не сжечь,
Карбюратор... и что у них есть ещё там...

И не видно полотна -
Лимузины, лимузины...
Среди них - как два пятна -
Две красивые машины, -
Будто связанные тросом
(А где тонко, там и рвётся).
Аксельраторам, подсосам
Больше дела не найдётся.

Будто знают - игра стоит свеч, -
Только б вырваться - выплатят всё по счетам!
Ну а может, он скажет ей речь
На клаксоне... и что у них есть ещё там...

Это скопище машин
На тебя таит обиду, -
Светло-серый лимузин,
Не теряй её из виду!
Впереди, гляди, разъезд, -
Больше риска, больше веры!
Опоздаешь!... Так и есть -
Ты промедлил, светло-серый!

Они знали - игра стоит свеч, -
А теперь - что ж сигналить рекламным щитам?!
Ну а может, гора ему с плеч, -
И с капота... и что у них есть ещё там...

Нет, развилка - как беда,
Стрелки врозь - и вот не здесь ты!
Неужели никогда
Не сближают нас разъезды?
Этот - сходится, один!
И, врубив седьмую скорость,
Светло-серый лимузин
Позабыл нажать на тормоз...

Что ж съезжаться - пустые мечты?
Или это есть кровная месть городам?..

Покатались колеса, мосты, -
И сердца... или что у них есть ещё там...

1968

Затяжной прыжок

Хорошо, что за рёвом не слышалось звука,
Что с позором своим был один на один:
Я замешкался возле открытого люка -
И забыл пристегнуть карабин.

Мой инструктор помог - и коленом пинок -
Перейти этой слабости грань:
За обычное наше: «Смелее, сынок!»
Принял я его сонную брань.

И оборвали крик мой,
И обожгли мне щёки
Холодной острой бритвой
Восходящие потоки.
И звук обратно в печень мне
Вогнали вновь на вдохе
Весёлые, беспечные
Воздушные потоки.

Я попал к ним в умелые, цепкие руки:
Мнут, швыряют меня - что хотят, то творят!
И с готовностью я сумасшедшие трюки
Выполняю шутя - все подряд.

Есть ли в этом паденье какой-то резон,
Я узнаю потом, а пока -
То валился в лицо мне земной горизонт,
То шарахались вниз облака.

И обрывали крик мой,
И выбривали щёки
Холодной острой бритвой
Восходящие потоки.
И кровь вгоняли в печень мне,
Упруги и жестоки,
Невидимые встречные
Воздушные потоки.

Но рванул я кольцо на одном вдохновенье,
Как рубаху от ворота или чеку.
Это было в случайном свободном паденье -
Восемнадцать недолгих секунд.

А теперь - некрасив я, горбат с двух сторон,
В каждом горбе - спасительный шёлк.
Я на цель устремлён и влюблён, и влюблён
В затяжной, неслучайный прыжок!

И обрывают крик мой,
И выбривают щёки
Холодной острой бритвой
Восходящие потоки.
И проникают в печень мне
На выдохе и вдохе
Бездущные и вечные

Воздушные потоки.

Беспримерный прыжок из глубин стратосферы -
По сигналу «Пошёл!» я шагнул в никуда, -
За невидимой тенью безликой химеры,
За свободным паденьем - айда!

Я пробьюсь сквозь воздушную ватную тьму,
Хоть условия паденья не те.
Но и падать свободно нельзя - потому,
Что мы падаем не в пустоте.

И обрывают крик мой,
И выбривают щёки
Холодной острой бритвой
Восходящие потоки.
На мне мешки заплечные,
Встречаю - руки в боки -
Прямые, безупречные
Воздушные потоки.

Ветер в уши сочится и шепчет скабрёзно:
«Не тяни за кольцо - скоро лёгкость придёт...»
До земли триста метров - сейчас будет поздно!
Ветер врёт, обязательно врёт!

Стропы рвут меня вверх, выстрел купола - стоп!
И - как не было этих минут.
Нет свободных падений с высот, но зато
Есть свобода раскрыть парашют!

Мне охлаждают щёки
И открывают веки -
Исполнены потоки
Забот о человеке!
Глазею ввысь печально я -
Там звёзды одиноки -
И пью горизонтальные
Воздушные потоки.

1973

ЗЕЛЁНЫЙ ФУРГОН

Сейчас пошли сплетни, что я ушёл из театра - это неправда, я продолжаю играть спектакли просто я собирался делать своё кино: сам режиссёр, самому сниматься, самому писать песни и их петь - в общем всё делать самому, как в песне. Сделать кино как песню.

Не знаю, думаю, что не буду делать его сейчас, потому что все сроки ушли. Я-то думал, что всё так легко: готов сценарий, утверждён - и пошёл работать. Оказывается, нет: там надо ещё куда-то идти, где-то утверждать... Потом всё начинается по-новой на студии, потом опять присылается второй вариант сценария... Я три месяца работал, а оказалось всё на нуле - на том же, с которого начиналось. Я позвонил и сказал: «Нет, извините, у меня нету времени». (1980)

Х Х Х

Проскакали всю страну,
Да пристали кони, буде!

Я во синем во Дону
Намочил ладони, люди.

Кровушка спеклася
В сапоге от ран, -
Разрезай, Настасья,
Да бросай в бурьян!

Во какой вояка,
И «Георгий» вот,
Но опять, однако,
Атаман зовёт.

Хватит брюхо набивать!
Бают, да и сам я бачу,
Что спешит из рвани рать
Волю забирать казачью.

Снова кровь прольётся?
Вот такая суть:
Воли из колодца
Им не зачерпнуть.

Плачут бабы звонко...
Зря ревмя ревём.
Волюшка, Настёнка, -
Это ты да дом.

Вновь скакали по степу,
Всё под разным атаманом,
То конями на толпу,
То с верёвкой, то с наганом.

Ах, как воля пьётся,
Если натошак!
Весело живётся
Тому, кто весельчак.

Веселее пьётся
На тугой карман -
Хорошо живётся
Тому, кто атаман!

1980

НАШЕ ПРИЗВАНИЕ

1981

Гимн школе

Из класса в класс мы вверх пойдём как по ступеням,
И самым главным будет здесь рабочий класс.
И первым долгом мы, естественно, отменим
Эксплуатацию учителями нас.

Да здравствует новая школа!
Учитель уронит, а ты подними!
Здесь дети обоего пола
Огромными станут людьми.

Мы строим школу, чтобы грызть науку дерзко.
Мы всё разрушим изнутри и оживим,

Мы серость выбелим и выскоблим до блеска,
Всё теневое мы прикроем световым.

Так взрасти же нам школу, строитель! -
Для душ наших детских теплицу, парник.
Где учатся - все, где учитель
Сам в чём-то ещё ученик.

1980

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящий сборник содержит значительную часть из более чем ста двадцати песен, созданных В.Высоцким для кинематографа. Подавляющая их часть написана по заказу. В то же время сюда вошли и песни, написанные ранее и потом уже предложенные автором в тот или иной фильм.

Циклы песен расположены в хронологическом порядке фильмов (в скобках приведены даты их фактического выпуска).

Тексты публикуемых песен и стихотворений даны, как правило, в их окончательных редакциях, определённых по известным нам на 1 апреля 1988 г. авторским рукописям и фонограммам 1964-1980 гг., а также другим доступным источникам. В некоторых случаях, когда определение окончательного варианта текста затруднено, в настоящих примечаниях дана ссылка на источник публикации. Редакции песен, использованные в фильмах или предлагавшиеся автором для фильмов (если они не вошли в фильм) также оговорены.

Кроме того, в примечаниях приведены строфы стихотворений, не попавшие в окончательный вариант, но сохранившиеся в магнитозаписи. Строфы, выпавшие из текста ещё на стадии создания рукописи, а также варианты отдельных строк не приводятся.

При выборе заголовков песен предпочтение отдавалось их авторским окончательным устойчивым вариантам.

В основном Высоцкий сочинял одновременно и стихи и музыку песен, предназначенных для фильмов, хотя в титрах и монтажных записях некоторых из них авторы музыки не указаны либо ими значатся иные композиторы фильмов. В настоящих примечаниях сделана попытка указать авторов музыки, если она принадлежит не Высоцкому.

Фильмы с песнями Высоцкого, снимавшиеся после 1980 г., то есть без авторского участия, в примечаниях, за исключением фильма «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго», не учтены.

Предисловие автора, а также его рассказы об отдельных фильмах, предваряющие циклы песен, являются обобщённой записью его публичных выступлений и интервью, сохранившихся в фонограммах (если это не указано особо).

Определение датировки песен и текстологическая работа проводились на основе собрания материалов из архива Комиссии по творческому наследию В.С.Высоцкого при Всесоюзном совете клубов самодеятельной (авторской) песни.

В косых скобках приведены данные об источниках первых публикаций в советской центральной печати и в книгах.

В настоящих примечаниях даны ссылки на сборники стихотворений и песен В.Высоцкого (в порядке выхода изданий):

Нерв - *Нерв*. - М., Современник, 1981 (нумерация страниц дана по второму изданию 1982 г.);

Кони - *Кони привередливые*. - М., Правда, 1987 (Библиотека журнала «Огонёк»);

ЧЧП - *Четыре четверти пути*. - М., Физкультура и спорт, 1988;

ПВВ - *Поёт Владимир Высоцкий*. - М., Музыка, 1987;

ЯКВ - *Я, конечно, вернусь...* - М., Книга, 1988.

Прочие условные сокращения

Авт. - авторский, авторская;

ВСТ - Всесоюзная студия грамзаписи;
Печ.- печатается;
Сб.- сборник;
Сов. - советский, советская.

ПЕСНЯ О ГОСПИТАЛЕ. /Нерв, с.31/. В фильм не вошла.
ПЕСНЯ О ЗВЁЗДАХ. /Нерв, с.30/. В фильме использован фрагмент песни.
«В ХОЛОДА, В ХОЛОДА...». Печ. по авт. фонограмме ВСТ 1972 г. /Нерв, с.163/.

ВЫСОТА. /Сов.Россия, 1980, 19 октября/. В фильм вошли строфы 1 и 2.
ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ. /ЯКВ, с.224/. В фильм не вошла.
БРАТСКИЕ МОГИЛЫ. /Новые фильмы, 1967, февраль/. Использована в спектакле Московского театра драмы и комедии на Таганке «Павшие и живые». Этой песней Высоцкий чаще всего начинал свои выступления перед аудиторией. Иногда исполнения песни посвящались памяти актёра и певца Марка Бернеса - исполнителя песни в фильме.

ПЕСНЯ О ДРУГЕ. /Новые фильмы, 1967, июль/.
«СВОИ ОБИДЫ КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК...». Печ. по единственной известной авт. фонограмме из фильма.

СКАЛОЛАЗКА. Печ. по авт. фонограмме ВСТ. 1974 г. /Турист, 1987, №1/. В фильм не вошла.

ЗДЕСЬ ВАМ НЕ РАВНИНА. /Конверт пластинки «Песни из кинофильма «Вертикаль», 1968/.

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ. /Турист, 1968, №2/.

ПРОЩАНИЕ С ГОРАМИ. /Сов.экран, 1967, №15/. Часто исполнялась без двух последних строк. Фрагмент песни использован в фильме «Пока спят горы...»

ПЕСНЯ-СКАЗКА О НЕЧИСТИ. /Нерв, с.88/. В фильме использован фрагмент песни.

ДЕЛА. В данной редакции, кроме фильма, песня неоднократно исполнялась автором. Известно пять авт. фонограмм, последняя из которых датируется 1972 годом. В то же время существует поздняя (1971 г.?) рукописная редакция текста - от имени женщины и с изменённым финалом, которая по черновому автографу опубликована в сб.: Нерв, с.221. В фильме использованы строфы 4, 5, 6, 1.

ПЕСНЯ САНЬКИ. Печ. по сб.: Песня-87. Выпуск 9. - Л., Сов.композитор, 1987, с.14. Музыка С.Слонимского. В фильм не вошла.

«ПЕРЕДО МНОЙ ЛЮБОЙ ФАКИР - НУ ПРОСТО КАРЛИК...». Редакция, предложенная автором в фильм, согласно рукописному списку с авт. рукописи из архива режиссера фильма Г.Полоки, имела сокращённый вид и содержала строфы 1-3, перемежающиеся припевом:

Здесь у нас -
Всё для вас,
Ну а там -
Всё будет нам.

В вариант фильма 1968 г. не входила. В вариант 1987 г. вошли строфы 1-3 без припевов в авт. исполнении с хором.

ГРОМ ПРОГРЕМЕЛ. Высоцкому принадлежит авторство строк 2 и 4. На одном из машинописных текстов песни против строк 1 и 3 - авт. пометки: «народное». В фильм вошла с музыкой С.Слонимского.

«ДО НАШЕЙ ЭРЫ СОБЛЮДАЛОСЬ ЧУВСТВО МЕРЫ...». В фильм не вошла.

ПЕСНЯ БРОДСКОГО. /Песня-87. Выпуск 9. - Л., Сов.композитор, 1987, с.11/. В фильм вошла с музыкой С.Слонимского.

КУПЛЕТЫ БЕНГАЛЬСКОГО. Ранний вариант вместо строфы 5 имел строфу, не вошедшую в окончательную редакцию:

Пушкин - величайший на земле поэт -
Бросил всё и начал жить в Одессе,-
Проживи он здесь ещё хоть пару лет -
Кто б тогда услышал о Дантесе?!

«мезон шантэ» (франц.) - буквально: дом для пения.

ЦЫГАНСКАЯ ПЕСНЯ. В фильм вошла с музыкой А.Билаша.

БАЛЛАДА О ЦВЕТАХ, ДЕРЕВЬЯХ И МИЛЛИОНЕРАХ. Печ. по единственной известной авт. фонограмме из фильма. Музыка А.Билаша(?).

РОМАНС. В фильме использован без строк 1 и 2 с музыкой А.Билаша.

АИСТЫ. /Нерв, с.33/. Из фильма «Война под крышами».

«У НАС ВЧЕРА С ПОЗАВЧЕРА...». В вариант фильма 1967 г. вошла без строфы 1. В вариант 1971 г. не вошла.

ПЕСНЯ О НОВОМ ВРЕМЕНИ. /Нерв, с.32/. Из фильма «Война под крышами». Фрагмент использован в фильме «Короткие встречи».

ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ. /Нерв, с.40/. Из фильма «Сыновья уходят в бой».

ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ. /Нерв, с.29/. Из фильма «Сыновья уходят в бой». Использована в фильме «Мерседес» уходит от погони».

СЫНОВЬЯ УХОДЯТ В БОЙ. /Нерв, с.41/. Из фильма «Сыновья уходят в бой».

ТЕМНОТА. Написана для фильма «Сыновья уходят в бой», в фильм не вошла.

БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ. Печ. по авт. фонограмме ВСГ 1974 г. /Дружба народов, 1981, №5/. В фильм не вошла. Использована в фильме «72 градуса ниже нуля».

БАЛЛАДА О БРОШЕННОМ КОРАБЛЕ. /Аврора, 1986, №9/. В фильм не вошла.

«В ДЕНЬ, КОГДА МЫ ПОДДЕРЖКОЙ ЗЕМЛИ ЗАРУЧАСЬ...». Печ. по единственной известной авт. фонограмме зимы 1973/74 г. с поздними изменениями из авт. беловика песни, предложенной в 1974 г. для фильма «Контрабанда». Указанный беловик содержит сокращённый (без строф 4-6) текст. Сокращение и исправление строки 47, имевшей вид: «Он увидел, как траулер встал на винты...», по все вероятности, вызваны темой фильма. /Сов.Россия, 1987, 26 марта/. В фильмах не вошла.

«ВСЕМУ НА СВЕТЕ ВЫХОДЯТ СРОКИ...». Печ. по единственной известной авт. фонограмме. /День поэзии 1986. – М., Сов.писатель, 1986, с.230/. В фильм не вошла.

ПИРАТСКАЯ. В фильм не вошла. Первые четыре строфы использованы в фильме «Ветер надежды».

«КОГДА Я СПОТЫКАЮСЬ НА СТИХАХ...». /Поёт Эдуард Хиль. – М., Музыка, 1976, с.15/. Предлагалась автором в фильм, но не вошла. В некоторых авт. фонограммах, в том числе во всех последних (1979 г.) первая строфа отсутствует.

ТАНГО. В фильме, как и следующая песня, звучит в исполнении В.Высоцкого и актрисы Московского театра драмы и комедии на Таганке Н.Шацкой.

«СНАЧАЛА БЫЛО СЛОВО ПЕЧАЛИ И ТОСКИ...». /Дружба народов, 1982, №1/.

СКОМОРОХИ НА ЯРМАРКЕ. /Нерв, с.76/. В фильм не вошла. В сокращённом варианте, содержащем строфы 1-3, 12, 10, 11, 18-23, использована в телефильме «Туфли с золотыми пряжками».

СВАДЕБНАЯ. Печ. по беловому автографу. /Нерв, с.86/. В фильм не вошла. Строфы 1-3, 6, 8 использованы в телефильме «Туфли с золотыми пряжками».

ВЫЕЗД СОЛОВЬЯ-РАЗБОЙНИКА. Печ. по беловому автографу. Строфы 7-9 – от имени Соловья-разбойника, остальные – от имени его дружков. Строфы 3, 6, 7 в фильм не вошли. Строфы 4, 5, 3 использованы в телефильме «Туфли с золотыми пряжками».

СЕРЕНАДА СОЛОВЬЯ-РАЗБОЙНИКА. /Нерв, с.84/. Строфы 2 и 5 в фильм не вошли.

«ЕСЛИ В ЭТОТ СКОРБНЫЙ ЧАС...». Печ. по монтажной записи фильма. /Нерв, с.82/. Первые десять строк – от имени царя Евстигнея, остальные – от имени сватов-адъютантов.

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ. Печ. по единственной известной авт. фонограмме. В фильм вошли строфы 2, 3, 6.

СЛАВА СОЛДАТУ. Печ. по монтажной записи фильма и черновому автографу.

КУПЛЕТЫ КАССИРА И КАЗНАЧЕЯ. Печ. по черновому автографу. В фильм не вошли. Существует более ранний черновой набросок с первой строкой «Когда пуста казна...»

КУПЛЕТЫ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ. /Нерв, с.75/. В фильм не вошли.

СОЛДАТ И ПРИВИДЕНИЕ. Печ. по единственной известной авт. фонограмме. Первые две строфы – от имени солдата, остальные – от имени привидения. В фильм не вошла.

ПЕСНЯ МАРЬИ. /Нерв, с.81/. Печ. по фонограмме М.Влади, ВСГ, 1974 г. В фильм не вошла.

ИВАН ДА МАРЬЯ. /Нерв, с.82/. Печ. по единственной известной авт. фонограмме. В фильм не вошла.

ЧАСТУШКИ. /Нерв, с.83/. Печ. по единственной известной авт. фонограмме.

РАССТРЕЛ ГОРНОГО ЭХА. /Нерв, с.26/. В фильм не вошла.

ПЕСНЯ СОЛОДОВА. Печ. по авт. фонограмме из фильма. /Аврора, 1986, №9/.

«ЕСЛИ ГДЕ-ТО В ГЛУХОЙ НЕСПОКОЙНОЙ НОЧИ...». Строфы 1-4 печ. по единственной известной авт. фонограмме, а строфы 5, 6 – по черновому автографу. /Нерв, с.228/. В фильм не вошла.

ПЕСНЯ ВАНИ У МАРИИ. Печ. по одной из двух известных фонограмм. /Нерв, с.39/. В фильм вошли строфы 7-10.

ПЕСНЯ О ЧЁРНОМ И БЕЛОМ ЛЕБЕДЯХ. Печ. по рукописному списку, сделанному с авт. рукописи, из архива режиссёра фильма Г.Полоки. /Э.Хагагортян. Песни. – М., Музыка, 1983, с.35/. Музыка Э.Хагагортяна. В фильм вошла строфа 3.

ВЕЛИЧАЛЬНАЯ ОТЦУ. Печ. по рукописному списку из архива Г.Полоки. /Э.Хагагортян. Песни. – с.33/. Музыка Э.Хагагортяна. В фильм вошла строфа 1.

ЧАСТУШКИ К СВАДЬБЕ. Печ. по беловому автографу. В фильм не вошли.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЕСНЯ. Печ. по беловому автографу. У конечных строф 1 и 4 авт. пометки: «Этой строки может не быть», адресованные режиссёру и композитору. /Лит.Грузия, 1981, №8/. Музыка Э.Хагагортяна. В фильм вошла без указанных строк.

ЧАСТУШКИ. Печ. по авт. рукописи. Строфы 3, 4, 6-8, 10 в фильм не вошли. В фильм вошла строфа:

Гармонист, гармонист!

Сердце беспокоится.

Разрешите, гармонист,

С вами познакомиться!

в переводе на украинский язык, по свидетельству Г.Полоки, также сочинённая Высоцким, но позднее – непосредственно на съёмках.

ГРУСТНАЯ ПЕСНЯ О ВАНЕЧКЕ. Печ. по беловому автографу. /Э.Хагагортян. Песни. – с.37/. Музыка Э.Хагагортяна. В фильм не вошла.

ПЕСНЯ ВАНИ ПЕРЕД СТУДЕНТАМИ. Печ. по беловому автографу. /Нерв, с.138/. В фильм не вошла.

ОЧИ ЧЁРНЫЕ. I. ПОГОНЯ. /Нерв, с.184/. В фильме «Единственная» использована без строф 2, 3, 6, – но с финальной строфой из второй части, и с явной редакторской правкой.

II. СТАРЫЙ ДОМ. /Театр, 1987, №5/. В 1976 г. предназначалась автором в фильм «Емельян Пугачёв», куда он пробовался на главную роль.

БАЛЛАДА О МАЛЕНЬКОМ ЧЕЛОВЕКЕ. Семь из девяти написанных к фильму баллад (кроме «Баллады о Кокильоне» и «Прерванного полёта») созданы по мотивам прозаических текстов М.Швейцера, содержащихся в режиссёрском сценарии фильма. В фильм не вошла.

БАЛЛАДА О КОКИЛЬОНЕ. Предложена автором в фильм самостоятельно. В фильм не вошла.

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЁТ. /Нерв, с.200/. Предложена автором в фильм самостоятельно. В фильм не вошла.

МАРШ ФУТБОЛЬНОЙ КОМАНДЫ «МЕДВЕДЕЙ». В фильм не вошла.

БАЛЛАДА О МАНЕКЕНАХ. В фильм вошёл сокращённый вариант песни с музыкой А.Кальварского, содержащий строфы 1-5, 12, 16-18, 24, причём строфа 5 имела вид:

Не так мы, парень, глупы,

Чтоб наряжать живых,-

Мы обряжаем трупы

И кукол восковых.

ПЕСНЯ БИЛЛА СИГТЕРА. В фильм не вошла.

МИСТЕРИЯ ХИППИ. В фильм не вошла.

БАЛЛАДА ОБ ОРУЖИИ. В фильм не вошла. В процессе работы над фильмом имела сокращённый вариант, состоящий из строф 15, 16, 3, 4, 17, 18, 6, 7, 27, 28, 13, 14, 25, 30, 26, 32, 33, 31, 34-36. В первоначальных вариантах после строф 7, 14, 21 мог быть припев:

На поиграй, а я перекурю –

Держи гитару!

И слушай, друг,- я дело говорю, –

Не зря болтаю.

БАЛЛАДА ОБ УХОДЕ В РАЙ. В фильм вошёл вариант без строф 7, 9, 10.

БАЛЛАДА О ВРЕМЕНИ. /Нерв, с.209/. В фильм не вошла. Без строф 5-8 использована в фильме «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго».

ПЕСНЯ О ВОЛЬНЫХ СТРЕЛКАХ. /Нерв, с.207/. В фильм не вошла. Использована в фильме «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго».

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ. /Сов.Россия, 1980, 19 октября/. В фильм не вошла. Без строф 5-8 использована в фильме «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго». Текст первоначального варианта вместо строфы 3 содержал строфу:

Только чувству, словно кораблю,
Долго оставаться на плаву,
Прежде чем узнать, что «я люблю» –
То же, что «дышу» или «живу»!

ПЕСНЯ О ДВУХ ПОГИБШИХ ЛЕБЕДЯХ. /Нерв, с.183/. В фильм не вошла.

ПЕСНЯ О НЕНАВИСТИ. В фильм не вошла.

БАЛЛАДА О БОРЬБЕ. /Нерв, с.205/. В фильм не вошла. Использована в фильме «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго».

КУПОЛА. Шемякин Михаил Михайлович – русский художник, живёт и работает в США. /Нерв, с.102/. В фильм не вошла.

РАЗВОЙНИЧЬЯ. /Аврора, 1986, №9/. В фильм не вошла.

НАЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ. /ЧЧП, с.218/.

ОДНА НАУЧНАЯ ЗАГАДКА... /ПВВ, с.51/. Замысел песни восходит к 1971 г. Была предложена автором и вошла в фильм в изменённой редакции 1976 г., состоящей из строф 3 (с первой строкой «Аборигены почему-то съели Кука!»), 4 (со второй строкой «Услышал, будто вкусный кок на судне Кука...»), 5, не вошедшей в окончательную редакцию строфы:

Ломаем голову веками – просто мука:
Зачем и как аборигены съели Кука?
Чем Кук приятней? И опять молчит наука...
Так иль иначе, но нету Кука! –

и строфы 8.

«НУ ВОТ, ИСЧЕЗЛА ДРОЖЬ В РУКАХ...». /Сов.экран, 1979, №1/. Написана для фильма «Белый взрыв», в который не вошла. Редакция 1969 г. – /Нерв, с.53/. В 1976 г. переработана по теме фильма «Ветер надежды».

«ВЫ В ОГНЕ ДА И В МОРЕ ВОЕКИ НЕ СЫЩЕТЕ БРОДА...». /Смена, 1987, №13/.

ШТОРМ. /Нерв, с.59/.

ГИМН МОРЮ И ГОРАМ. /Нерв, с.58/.

МОРЕПЛАВАТЕЛЬ-ОДИНОЧКА. Печ. по машинописному списку с авт. Беловика, сделанному С.Говорухиным во время работы над фильмом и содержащему, по-видимому, наиболее поздний вариант текста. В единственной известной фонограмме песни, сделанной во время подготовки песен к записи для фильма, строфы 7, 9, 12, 13 отсутствуют. В фильм не вошла.

РАССКАЖИ, ДОРОГОЙ. Печ. по монтажной записи фильма.

НЕ ГРУСТИ. Печ. по монтажной записи фильма и черновым автографам. В фильм вошла без строф 6-10.

ВООРУЖЁН И ОЧЕНЬ ОПАСЕН. Печ. по монтажной записи фильма.

ЖИВУЧИЙ ПАРЕНЬ. Печ. по Беловому автографу. В фильм не вошла.

ПОЖАРЫ. /Нерв, с.105/.

БЕЛЫЙ ВАЛЬС. /Нерв, с.44/. В фильм не вошла. Сценарий фильма имел название «Белый вальс».

МЫ ВАС ЖДЁМ. /Нерв, с.46/.

ПЕСНЯ О ДВУХ КРАСИВЫХ АВТОМОБИЛЯХ. /ЧЧП, с.211/.

ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК. Печ. по авт. фонограмме ВСГ 1974 г. /Нерв, с.160/. В раннем варианте между строфами 9 и 10 располагались строфы:

Я лечу – треугольники, ромбы, квадраты
Проявляются в реки, озёра, луга.
Только воздух густеет, твердеет, проклятый, –
Он мне враг – парашютный слуга.

А машина уже на посадку идёт,
В землю сплунув в отчаянье мной.
Буду я на земле раньше, чем самолёт,
Потому что прыжок – затяжной.

И обрывают крик мой,
И выбивают щёки
Тупой холодной бритвой

Снуют по мне потоки.
На мне мешки заплечные,
Встречаю – руки в боки –
Шальные, быстротечные
Воздушные потоки.

А строки 5, 6 строфы 12 при этом имели вид:
Но жгут костры, как свечи, мне –
Я приземляюсь в шоке /.../

«ПРОСКАКАЛИ ВСЮ СТРАНУ...». Печ. по Московский комсомолец, 1988, 24 января.

ГИМН ШКОЛЕ. Печ. по рукописному списку, сделанному с авт. рукописи режиссёром фильма Г.Полокой в 1980 г. В фильм, согласно устной договорённости с автором, вошла с изменённым порядком строф – 3, 4, 1, 2. Музыка А.Эшпая.

